

Приглашеніе на казню

§ 7 *).

Очаровательное утро! Свободно, безъ прежняго **трениа**, оно проникало сквозь **зарѣшоточное** стекло, промытое вчера **Родіономъ**. Новосельемъ такъ и несло отъ желтыхъ, **липкихъ стѣнъ**. Столъ покрывала **свѣжая** скатерть, еще съ воздухомъ, необлегающая. Щедро окаченный каменный **лѣль** дышалъ фонтанной прохладой.

Цинциннать **надѣль** лучшее, что у него съ собой было, — и пока онъ натягивалъ белые, шелковые чулки, которые на **гала-представленіяхъ** имель. право носить какъ ледагогъ, — **Родіонъ** внесъ мокрую хрустальную вазу со **щеластыми** тѣнами изъ директорскаго садика и поставилъ ее на столъ, **посередкѣ**, — **нѣтъ** не **совсѣмъ посередкѣ**; зышелъ, пятеясь, а черезъ минуту вернулся съ табуретомъ и добавочнымъ стуломъ, и мебель **размѣстилъ** не какъ-нибудь, — а съ расчетомъ и вкусомъ. Входилъ онъ **нѣ** сколько разъ, и Цинциннать не **смѣль** спросить «скоро ли?» — и какъ бываетъ въ тотъ особенно **бездѣятельный** **часъ**, когда, празднично выглаженный, ждешь гостей, и **ничѣмъ** какъ-то нельзя заняться, — слонялся, то присаживаясь въ непривычныхъ углахъ, то поправляя въ **вазѣ** **цвѣты**, — такъ что наконецъ Родіонъ сжалился и сказалъ, что теперь уже скоро.

Ровно въ десять вдругъ явился Родригъ **Ивановичъ**, въ **лучшемъ**, монументальнейшемъ своемъ **сюртукѣ**, **пышномъ**, неприступномъ, сдержанно возбужденномъ; поставилъ мас-

---

*) См. «Совр. Записки» кн. 58-ая.

сивную пепельницу и все **осмотрѣлъ** (за **исключеніемъ** одного только Цинцинната, поступая какъ поглощенный своимъ **дѣломъ** мажордомъ, внимаше **направляющій** лишь на убранство мертваго инвентаря, живому же предоставляя самому украситья). Вернулся онъ, неся зеленый флаконъ, снабженный резиновой грушей, и съ мощнымъ шумомъ сталъ выдувать сосновое благовошѣ, довольно безцеремонно оттолкнувъ Цинцинната, когда тотъ попался ему подъ ноги. Стулья Родригъ Ивановичъ поставилъ иначе, **чѣмъ** Родіонъ, и долго **смотрѣлъ** выпученными глазами на спинки: **онѣ** были разнородны, — одна лирой, другая покоемъ. Наконецъ, надувъ щеки и выпустивъ со свистомъ воздухъ, повернулся къ Цинциннату.

«А вы-то готовы? — спросилъ онъ. — Все у васъ нашлось? Пряжки **цѣлы**? Почему у васъ тутъ какъ-то смято? Эхъ вы... Покажите ладошки. **Воп.** Теперь постарайтесь не замараться. Я думаю, что уже не долго — »

Онъ вышелъ, и съ перекатами зазвучалъ въ **коридорѣ** его сочный **распорядительскій** басъ. Родіонъ отворилъ дверь камеры, закрепилъ ее въ такомъ **положеніи** и на пороге развернулъ поперечно - полосатый половичекъ. **«Идутъ-съ»**, — шепнулъ онъ съ подмигомъ и снова скрылся. Вотъ где-то трижды трахнулъ ключъ въ замке, раздались смешанные голоса, прошло дуновешѣ, отъ котораго зашевелились волосы у Цинцинната... Онъ очень волновался, и дрожь на губахъ все принимала образъ улыбки. «Сюда, вотъ мы уже и пришли», — донеслось басистое **приговариваніе** директора, и въ следующее мгновение онъ появился, галантно, подъ локотокъ, вводя толстенкаго **полосатенькаго** арсстантика, который, прежде **чѣмъ** войти, остановился на половичке, беззвучно составилъ **вмѣстѣ сафьяновыя** ступни и **ловко поклонился**.

«Позвольте вамъ представить м-сье Пьера, — обратился, ликуя, директоръ къ Цинциннату. — Пожалуйте, пожалуйста, м-сье Пьеръ, вы не можете вообразить, какъ васъ тутъ ждали... Знакомьтесь, господа... Долгожданная **встрѣ-**

ча... Поучительное зрѣлище... Не побрезгайте, м-сье Пьеръ, не **взыщите...**»

Онъ самъ не зналъ, что говорить, — захлебывался, тяжело **пританцовывалъ**, потиралъ руки, лопался отъ сладостнаго **смущенія**.

М-сье Пьеръ, очень спокойный и собранный, **подошелъ**, поклонился снова, — и Цинциннать машинально **обмѣнялъ** съ нимъ **рукопожатіемъ**, причемъ тотъ на **какія-то** полсекунды дольше, **чѣмъ** это бываетъ обычно, задержалъ въ своей мягкой маленькой лапе **ускользавшіе** пальцы Цинцинната, какъ затягиваетъ **пожатіе** пожилой ласковый докторъ, — такъ мягко, такъ аппетитно, — и вотъ отпустилъ.

Певучимъ, тонкимъ горловымъ **голосомъ** м-сье Пьеръ сказалъ: «Я тоже чрезвычайно радъ съ вами наконецъ познакомиться. Смею надеяться, что мы сойдемся **короче**».

«Именно, именно, — захохоталъ директоръ, — ахъ, садитесь... Будьте, какъ дома... Коллега такъ счастливъ васъ видеть у себя, что **нѣ** находить словъ».

М-сье Пьеръ селъ, и тутъ оказалось, что его ножки не совсемъ хватаютъ до полу: это впрочемъ нисколько не отнимало у него ни солидности, ни той особой граціозности, которою природа одариваетъ некоторыхъ отборныхъ толстячковъ. Своими светлыми, глазированными глазами онъ вежливо гляделъ на Цинцинната, а Родригъ Ивановичъ, присевъ тоже къ столу, **посмѣивающійся**, **науськивающій**, **опьянѣвшій** отъ **удовольствія**, переводилъ взглядъ съ одного на другого, жадно следя после каждаго слова гостя за **впечатлѣніемъ**, производимымъ имъ на Цинцинната.

М-сье Пьеръ сказалъ: «Вы необыкновенно похожи на вашу матушку. **Мне** лично никогда не довелось видеть ее, но Родригъ Ивановичъ любезно обещалъ показать **мнѣ** ея карточку».

«Слушаю-съ, — сказалъ директоръ, — достанемъ».

М-сье Пьеръ продолжалъ: «Я и вообще, помимо этого,

увлекаюсь **фотографіей** смолоду, мне теперь тридцать **лѣтъ**, а вамъ?»

«Ему ровно тридцать», — сказалъ директоръ.

«Ну вотъ видите, я, значить, правильно угадалъ. Разъ **вы** тоже этимъ интересуетесь, я вамъ сейчасъ **покажу—...**»

Съ привычной приткостью онъ вынулъ изъ грудного карманчика пижамной куртки разбухшій бумажникъ, а изъ него — толстую стопочку любительскихъ снимковъ самаго мелкаго **размѣра**. Перебирая **ихъ**, какъ крохотныя карты, онъ принялся ихъ класть по одной **штучкѣ** на столъ, а Родригъ Ивановичъ хваталъ, вскрикивалъ отъ восхищенія, долго разсматривалъ — и медленно, продолжая любоваться снимкомъ или уже потягиваясь къ **слѣдующему**, **передавалъ** дальше, — хотя дальше все было недвижно и безмолвно. На **всѣхъ** этихъ снимкахъ былъ м-сье Пьеръ, м-сье Пьеръ **въ разнообразнѣйшихъ** положеніяхъ, — то **въ** саду, **съ** премированнымъ томатисцемъ **въ** **ручакъ**, то **подсвѣщій** одной ягодицей на **какія-то** перила (профиль, трубка во рту), то за **чтеніемъ** въ качалке, а рядомъ стаканъ **съ** соломинкой...

«Превосходно, замечательно», — приговаривалъ Родригъ Ивановичъ, ежась, качая головой, впиваясь **въ** каждый снимокъ или даже держа сразу **два** и перебегая **взглядомъ** **съ** одного на другой. — У-ухъ, **какіе** у васъ тутъ бицепсы! Кто бы могъ подумать — при вашей-то изящной **комплекціи**. Сногшибательно! Ахъ ты прелесть какая, — **съ** птичкой разговариваете!»

«Ручная», — сказалъ м-сье Пьеръ.

«Презабавно! Ишь какъ... А это что-же такое — **ни-какъ** арбузъ кушаете!»

«Такъ точно, — сказалъ м-сье Пьеръ. — **Тѣ** вы уже рассмотрели. Вотъ — пожалуйста».

«Очаровательно, доложу я вамъ. Давайте-ка эту **порцію** сюда, онъ еще ея не видалъ...»

«Жонглирую тремя яблоками», — сказалъ м-сье Пьеръ.

«Здорово!» — директоръ даже прицокнулъ.

«За утреннимъ чаемъ, — сказалъ **м-сье** Пьеръ, — это — я, а это — мой покойный батюшка».

«Какъ же, какъ же, узнаю... **Благороднѣйшія** морщины!»

«На берегу Стропи, — сказалъ м-сье Пьеръ. — Вы тамъ бывали?» — обратился онъ къ Цинциннату.

«Кажется, что **нѣтъ**, — **отвѣтилъ** Родригъ **Ивановичъ**. — А это **гдѣ** же? Какое элегантное пальцецо! Знаете что, а **вѣдь** вы тутъ выглядите старше **своихъ лѣтъ**. Погодите, я хочу еще разъ ту, **гдѣ** съ лейкой».

«Ну вотъ... Это все, что у меня съ собой», — сказалъ м-сье Пьеръ и опять обратился къ Цинциннату: «Если бы я зналъ, что вы такъ этимъ интересуетесь, я бы **захватилъ** еще, у меня альбомовъ съ десятокъ наберется»,

«Чудесно, поразительно», — повторялъ Родригъ Ивановичъ, вытирая сиреневымъ платкомъ глаза, **увлажнившіе** отъ **всѣхъ** этихъ **счастливыхъ смѣшковъ**, аховъ, поеживаній.

М-сье Пьеръ сложилъ бумажникъ. Вдругъ у него очутилась въ рукахъ колода картъ.

«Задумайте, пожалуйста, любую», — предложилъ онъ; раскладывая карты на **столѣ**; локтемъ отодвинулъ пепельницу; продолжалъ раскладывать.

«Мы задумали», — бодро сказалъ директоръ.

М-сье Пьеръ, немножко дурачась, приставилъ персть къ челу; **затѣмъ** быстро собралъ карты, молодецкато протрещалъ колодой и выбросилъ тройку трефъ.

«Это удивительно, — воскликнулъ директоръ. — Просто удивительно!»

Колода исчезла такъ же **незамѣтно**, какъ **появилась**, — и, **сдѣлавъ** невозмутимое лицо, м-сье Пьеръ сказалъ: «Приходить къ доктору старушка: у меня, говорить, господинъ докторъ, очень сурьезная **болѣсть**, страсть боюсь, что отъ нея помру... — **Какіе** же у васъ симптомы? — Голова трясется, господинъ докторъ», — и м-сье **Пьеръ**, шамкая и трясясь, изобразилъ старушку.

Родригъ Ивановичъ дико захохоталъ, хлопнувъ кулакомъ по столу, едва не упалъ со стула, закашлялся, застоялъ, насилу успокоился.

«Да вы, м-сье Пьеръ, душа общества, — проговорилъ онъ, плача, — сущая душа! Такого уморительнаго анекдота я отъ роду не слыхалъ!»

«Какіе мы печальные, какіе нѣжные, — обратился м-сье Пьеръ къ Цинциннату, вытягивая губы, какъ если бы хотѣлъ разсмѣшить надувшагося ребенка. — Все молчимъ, да молчимъ, а усики у насъ трепещутъ, а жилка на шейке бьется, а глазки мутные...»

«Все отъ радости, — поспѣшно вставилъ директоръ. — Ну faites pas attention».

«Да, въ самомъ дѣлѣ, радостный день, красный день, — сказала м-сье Пьеръ, — у меня самого душа такъ и кистить... Не хочу хвастаться, но во мне, коллега, вы найдете рѣдкое сочетаніе внешней общительности и внутренней деликатности, разговорчивости и умѣній молчать, игривости и серьезности... Кто утѣшить рыдающаго младенца, кто подклеить его игрушку? М-сье Пьеръ. Кто заступится за вдовицу? М-сье Пьеръ. Кто снабдитъ трезвымъ совѣтомъ, кто укажетъ лѣкарство, кто принесетъ отрадную вѣсть? Кто? Кто? М-сье Пьеръ. Все — м-сье Пьеръ».

«Замѣчательно! Талантъ!» — воскликнулъ директоръ словно слушалъ стихи, — а между тѣмъ все поглядывалъ, шевеля бровью, на Цинциннату.

«Вотъ мнѣ и кажется,—продолжалъ м-сье Пьеръ.—Да, «Вотъ мне кажется, — продолжалъ м-сье Пьеръ. — Да, кстати, — перебилъ онъ самого себя, — вы довольны помѣщеніемъ? По ночамъ не холодно? Кормятъ васъ досыта?»

«Онъ получаетъ то же, что и я, — ответилъ Родригъ Ивановичъ; — столъ прекрасный».

«Прекрасный столъ подъ орехъ», — пошутилъ м-сье Пьеръ.

Директоръ собрался опять грохнуть, но тутъ дверь отворилась, и появился мрачный, длинный библиотекаръ съ кипой книгъ подмышкой. Горло у него было **обмотано** шерстянымъ **шарфомъ**. Ни съ **къмъ** не **поздоровавшись**, онъ свалилъ книги **на** койку, — надъ ними въ **воздухъ** на **мгновеніе** повисли **стереометрическіе** призраки этихъ книгъ, построенные изъ пыли, — повисли, дрогнули и **разсѣялись**.

«Постойте, — сказала Родригъ Ивановичъ, — **вы**, кажется, **незнакомы**».

Библиотекаръ не глядя кивнулъ, а учтивый м-сье Пьеръ приподнялся со стула.

«М-сье Пьеръ, пожалуйста, — взмолился директоръ, прикладывая ладонь къ **манишкѣ**, — пожалуйста, покажите ему вашъ фокусъ!»

«Ахъ, стоитъ ли... Это такъ, пустое...» — **заскромничалъ** м-сье Пьеръ, но директоръ не унимался:

«Чудо! Красная маія! Мы васъ **всѣ умоляемъ!** Ну, **сдѣлайте** милость... — Постойте, **постойте** же, — крикнулъ онъ библиотекарю, который двинулся было къ двери. — Сейчас м-сье Пьеръ кое-что покажетъ. **Просимъ, просимъ!** Да не уходите вы...»

«Задумайте одну изъ этихъ картъ», — съ комической важностью произнесъ м-сье Пьеръ; **стасоваль; выбросилъ** пятерку пикъ.

«**Нѣтъ**», — сказалъ библиотекаръ и вышелъ.

М-сье Пьеръ пожалъ кругленькимъ плечомъ.

«Я сейчасъ вернусь», — пробормоталъ директоръ и вышелъ тоже.

Цинциннать и его гость остались одни. Цинциннать раскрылъ книжку и углубился въ нее, то-есть все перечитывалъ первую фразу. М-сье Пьеръ съ доброй улыбкой **смотрѣлъ** на него, положивъ лапку на столъ ладошкой **кверху**, точно предлагалъ Цинциннату **миръ**. Директоръ вернулся. Онъ **крѣпко** держалъ въ **кулакѣ** шерстяной шарфъ.

«Можетъ быть вамъ, м-сье Пьеръ, пригодится», — сказалъ онъ, подаль **шарфъ, сѣль**, шумно, какъ лошадь, отсапалъ и сталъ разсматривать большой **палець**, съ конца котораго серпомъ торчалъ полу-сорванный ноготь.

«О чемъ, бишь, мы говорили? — съ прелестнымъ тактомъ, будто ничего не случилось, воскликнулъ м-сье Пьеръ. — Да — мы говорили о **фотографіяхъ**. Какъ-нибудь я принесу свой аппаратъ и сниму васъ. Это будетъ весело. Что вы читаете, можно взглянуть?»

«Книжку бы отложили, — **замѣтилъ** директоръ срывающимся голосомъ; — ведь у васъ гость сидитъ».

«Оставьте его», — улыбнулся м-сье Пьеръ.

Наступило молчаніе.

«Становится поздно», — глухо произнесъ директоръ, посмотрѣвъ на часы.

«Да, **сейчасъ** пойдемъ... Фу, какой бука... Смотрите, смотрите, — губки **вздрагиваютъ**, солнышко, кажись, **вотъ-вотъ** выглянетъ... Бука, бука!..»

«Пошли», — сказалъ директоръ, вставъ.

«Сейчасъ... **Мнѣ** здесь такъ **пріятно**, что прямо не оторваться... Во всякомъ случае, милый мой соседъ, буду пользоваться **разрѣшеніемъ** приходитъ къ вамъ часто, часто, — если, конечно, вы мне разрешеніе даете, — а **вѣдь** вы **мнѣ** даете его, — правда? ...Итакъ, до свиданія. До свиданія! До свиданія!»

Смешно кланяясь, кому-то подражая, м-сье Пьеръ отретировался; директоръ опять взялъ его подъ локотокъ, издавая сладострастно гнусавые звуки. Ушли, — но въ последнюю минуту донеслось: «Виновать, **кое-что забылъ**, **сейчасъ** догону васъ», — и директоръ хлынулъ назадъ въ камеру, близко **подошелъ** къ Цинциннату, улыбка сошла на **мгновеніе** съ его **лиловаго** лица: «Мне стыдно, — просвистель онъ сквозь зубы, — стыдно за васъ. Вы себя вели какъ... Иду, иду», — заоралъ онъ, опять **сіая**, — схватилъ со стола вазу съ **тѣнами** и, расплескивая воду, вышелъ.

Цинциннать все **глядѣль** въ книгу. На страницу пошла капля. **Нѣсколько** буквъ **сквозь** каплю изъ петита обратились въ цицера, **вспухнувъ**, какъ подъ лежачей **лупой**.

§ 8.

(Есть, которые чинять карандашъ къ **себѣ**, будто картошку чистять, а есть, **которые стругаютъ** отъ себя, какъ палку... Къ **послѣднимъ** принадлежалъ Родіонъ. У него былъ старый складной ножъ съ **нѣсколькими лезвіями** и штопоромъ. Штопоръ ночевалъ снаружи).

«**Нынче** восьмой день (писалъ Цинциннать карандашомъ, укоротившимся **болѣе чѣмъ на** треть), и я еще не только живъ, то-есть собою обло ограниченъ и затмень, но, какъ и **всякій** смертный, смертнаго своего **предѣла** не **вѣдаю** и могу **примѣнить** къ **себѣ** общую для **всѣхъ** формулу: **вѣроятность** будущаго уменьшается въ обратной зависимости отъ его умозримаго **удаленія**. Правда, въ моемъ **случаѣ** осторожность велитъ орудовать только **очень** небольшими цифрами, — но ничего, ничего, я **живъ**. На меня этой ночью, — и случается такъ не впервые, — нашло особенное: я снимаю съ себя оболочку за оболочкой, и наконецъ... не знаю, какъ описать, — но вотъ что знаю: я дохожу **путемъ** постепеннаго **разоблаченія** до **послѣдней, недѣлимой, твердой, сіяющей** точки, и эта точка говорить: я есмь! — какъ перстень съ перломъ въ кровавомъ жиру акулы, — о мое **вѣрное**, мое **вѣчное**... и **мнѣ** довольно этой точки, — собственно, больше ничего не надо. Быть можетъ, гражданинъ **столѣтія** грядущаго, **потропившійся** гость (хозяйка еще и не вставала), быть можетъ, просто такъ — ярмарочный монстръ въ **глазьюшемъ**, безнадежно-праздничномъ **мірѣ**, — я прожилъ мучительную жизнь, и это **мученіе** хочу изложить, — но все боюсь, что не **успѣю**. Съ **гѣхъ** поръ, какъ помню себя, — а помню себя съ незаконной зоркостью, — собственный **сообщникъ**, который слишкомъ много знаетъ о **себѣ**, а

потому опасень, а потому... **Я** исхожу изъ такого жгучаго мрака, такимъ вьюсь волчкомъ, съ такой толкающей силой, пыломъ, — что до сихъ поръ ощущаю (порою **ВО** сне, порою погружаясь въ очень горячую воду) тотъ исконный мой трепеть, первый ожогъ, пружину моего я. Какъ я выскочилъ, — **скользкій**, голый! Да, изъ области, **другимъ** заказанной и недоступной, да, я кое-что знаю, да... но даже теперь, когда все равно кончено, даже теперь — Боюсь ли кого соблазнить? Или ничего не получится изъ того, что хочу рассказать, а лишь останутся черные трупы удушенныхъ **словъ**, какъ **висьльники...** **вечерніе** очерки глаголей, воронье... **Мнѣ** кажется, что я бы предпочелъ веревку, оттого что достоверно и неотвратно знаю, что будетъ **топоръ**; выигрышь времени, которое сейчасъ настолько мне дорого, что я **цѣню** всякую передышку, отсрочку... я имею въ виду время **мысли**, — **отпускъ**, который даю своей мысли для дарового путешествія отъ факта къ **фантазіи** — и обратно... **Я** еще многое имею въ виду, но **неумѣніе** писать, спешка, **волнение**, слабость... **Я** кое-что знаю. **Я** кое-что знаю. Но оно такъ трудно выразиимо! **Нѣтъ**, не могу... хочется бросить, — а **вмѣстѣ** съ **тѣмъ** — такое чувство, что кипя, поднимаешься какъ молоко, что сойдешь съ ума отъ щекотки, если хоть какъ нибудь не выразишь. **О** нетъ, — я не облизываюсь надъ своей личностью, не затеваю со своей душой жаркой возни въ темной **комнатѣ**; никакихъ, никакихъ желаній, кроме **желанія** высказаться — всей **міровой** немоте на зло. Какъ мне страшно. Какъ мне тошно. Но меня у меня не отниметъ никто. **Мне** страшно, — и вотъ я теряю какую-то нить, которую только что такъ ощутимо держалъ. **Гдѣ** она? Выскользнула! Дрожу надъ бумагой, догрызаюсь до графита, горбомъ стараюсь закрыться отъ двери, черезъ которую сквозной взглядъ колеть меня въ затылокъ. — **ц** кажется, вотъ, вотъ все скомкаю, разорву... Ошибкой попалъ я сюда — не именно въ темницу, — а вообще въ этотъ страшный, полосатый **міръ: порядочный**

образецъ кустарнаго искусства, но въ сущности — **беда**, ужасъ, безуміе, ошибка, — и вотъ обрушилъ на меня свой деревянный молотъ **исполинскій** резной медведь. А **вѣдь** съ ранняго **дѣтства** **мнѣ** снились **сны...** Въ снахъ моихъ **міръ** былъ облагороженъ, одухотворенъ; люди, которыхъ я на-яву такъ боялся, появлялись тамъ въ трепетномъ **пре-ломленіи**, словно пропитанные и окруженные той игрой воздуха, которая въ зной даетъ жизнь самимъ **очертані-ямъ** предметовъ; ихъ голоса, поступь, **выраженіе** **глазъ** и даже выраженіе одежды — пріобретали волнующую значительность; проще говоря: въ моихъ снахъ **міръ** **оживалъ**, становясь такимъ пленительно важнымъ, вольнымъ и **воздушнымъ**, что потомъ мне уже бывало тесно дышать прахомъ нарисованной жизни. Къ тому же я давно свыкъся съ мыслью, что называемое снами есть полудействительность, **обѣщаніе дѣйствительности**, ея **преддверіе** и **дуновение**, то-есть что они содержатъ въ себе, въ очень **смутномъ**, разбавленномъ **состояніи**, — **больше** истинной **дѣйстви-тельности**, **чемъ** наша хваленая явь, которая, въ свой чередъ, есть полусонъ, дурная дремота, куда извне проникаютъ, странно, дико **измѣняясь**, звуки и **образы дѣйстви-тельнаго міра**, текущаго за **перифиріей** **сознанія**, — какъ бываетъ, что во сне слышишь лукавую, грозную повесть, потому что шуршитъ ветка по стеклу, или видишь себя проваливающимся въ снегъ, потому что сползаетъ одеяло. Но какъ я боюсь проснуться! Какъ боюсь того **мгновенія**. — **вѣрниѣ**: половины **мгновенія**, — уже тогда срезаннаго. когда, по дровосечному гакнувъ — А чего же бояться? **Вѣдь** для меня это уже будетъ лишь тень топора, и низвергающееся **«ать»** не этимъ слухомъ услышу. Все-таки боюсь! Такъ просто не отпишешься. Да и **нхорошо**, что мою мысль все время засасываетъ дыра въ **будущемъ**, — хочу я о другомъ, хочу **другое** пояснить... но пишу я темно и вяло, какъ у Пушкина **поэтическій** дуэлистъ. У меня, кажется, скоро откроется **третій** глазъ сзади, на шею, между моихъ хрупкихъ позвонковъ: безумное око,

широко отверстие, съ дышащей зеницей и розовыми извилинами на **лоснистомъ яблокѣ**. Не тронь! Даже — **сильнѣе**, съ сипотой: не трожь! Я все предчувствую! И часто у меня звучить въ ухахъ мой **будущій** всхлипъ и страшный **клокочущій** кашель, **которымъ** исходить **свѣже-обезглавленный**. Но все это — не то, и мое **разсужденіе** о снахъ и яви — тоже не **то...** Стой! Вотъ опять чувствую, **что** сейчасъ выскажусь по-настоящему, затравлю слово. Увы, никто не училъ меня этой ловитве, **и** давно забыто древнее врожденное искусство писать, когда оно въ **школѣ** не нуждалось, а загоралось и бежало какъ пожаръ, — и теперь оно кажется такимъ же невозможнымъ, какъ музыка, некогда извлекаемая изъ чудовищной рояли, которая проворно журчала или вдругъ раскалывала **міръ** на **огромные, сверкающіе, цельные куски**, — я-то самъ такъ отчетливо представляю себе все это, но вы — не я, вотъ **въ** чемъ непоправимое несчастье. Не **умѣя** писать, но **преступнымъ** чутьемъ догадываясь о томъ, какъ складываютъ слова, какъ должно поступать, чтобы слово обыкновенное оживало, чтобы оно заимствовало у своего соседа его блескъ, жаръ, тень, само отражаясь въ немъ и его тоже обновляя этимъ **отраженіемъ**, — такъ что вся строка — живой переливъ; догадываясь о такомъ **соседстве словъ**, я, однако, добиться его не могу, а это-то мне необходимо для несегодняшней и нетутошней моей задачи. Не тутъ! Тупое «туть», подпертое и запертое четою «твердо», темная тюрьма, въ которую заключенъ неумно **воющій** ужась, держитъ меня и теснить. Но **какіе** просветы и **ночамъ**, какое — Онъ есть, мой **сонный міръ**, онъ не можетъ **не** быть, ибо **долженъ** же существовать **образецъ**, если существует!» корявая **копья**. Сонный, выпуклый, **сини**, онъ медленно обращается ко мне. Это какъ будто въ пасмурный день валяешься на спине съ закрытыми глазами, — и вдругъ трогается темнота подъ веками, понемножку **переходитъ** въ томную улыбку, а тамъ и въ горячее **ощущеніе** счастья, и знаешь: это выплыло изъ-за

облаковъ солнце. Вотъ съ такого **ощущенія** начинается мой **міръ**: постепенно **яснѣетъ** дымчатый воздухъ, — и такая разлита въ немъ лучащаяся, дрожащая доброта, такъ расправляется моя душа въ родимой области — Но дальше, дальше? — да, вотъ черта, за которой теряю власть... Слово, извлеченное на вбздухъ, лопаются, какъ лопаются въ **сѣтяхъ тѣ** шарообразныя рыбы, которыя дышуть и блистають только на темной, сдавленной **глубинѣ**. Но я делаю **послѣднее усиліе** и вотъ, кажется, добыча есть, — о, лишь мгновенный **обликъ** добычи! Тамъ — неподражаемой разумностью **свѣтится человѣческой** взглядъ; тамъ на вол* гуляютъ умученные тутъ чудачки; тамъ время складывается по **желанію**, какъ узорчатый коверъ, складки котораго можно такъ собрать, чтобы соприкоснулись любые два узора на немъ, — и вновь складывается коверъ, и живешь дальше, или будущую картину налагаешь на прошлую, безъ конца, безъ конца. — съ **лѣнливой**, длительной пристальностью женщины, подбирающей кушакъ къ платью, — и *вотъ она плавно двинулась по **направленію** ко **мнѣ**, **мѣрно** бодая бархатъ коленомъ, — все понявшая и **мне** понятная — Тамъ, тамъ — оригиналь техъ садовъ, где мы тутъ бродили, скрывались; тамъ все поражаетъ своею чарующей очевидностью, простотой совершеннаго блага; тамъ все потешаетъ душу, все проникнуто той забавностью, которую знаютъ **дети**; тамъ **сіяетъ** то зеркало, отъ котораго иной разъ сюда перескочить **зайчикъ**... И все это — не такъ, не **совсѣмъ** такъ, — и я путаюсь, топчусь, завираюсь, — и чемъ больше двигаюсь и шарю въ воде, где ищу на **песчаномъ** дне **мелькнувшій** блескъ, **тѣмъ** мутнее вода, **тѣмъ** меньше **вероятность**, что найду; схвачу. **Нѣтъ**, я еще ничего не сказалъ или сказалъ только книжное... и въ конце концовъ следовало бы бросить, и я бросилъ бы, ежели трудится бы для кого-либо сейчасъ существующаго, но такъ какъ **нетъ** въ **Мире** ни одного человека, говорящаго на моемъ языке; или короче: ни одного человека, говорящаго; или

еще короче: ни одного **человѣка**, то заботиться мне приходится только о **себѣ**, о той **силѣ**, которая нудитъ **высказаться**. Мне холодно, я ослабъ, мне страшно, затылокъ мой мигаетъ и жмурится, и снова бзумно-пристально **смотримъ**, — но все-таки — я, какъ кружка къ фонтану, цепью **прикованъ** къ этому столу, — и не встану, пока не выскажусь... Повторяю (ритмомъ повторныхъ **заклинаній**, набирая новый разгонъ), повторяю: кое-что знаю, кое-что знаю, **кое-что**——Еще ребенкомъ, еще живя въ канареечно-желтомъ, большомъ, холодномъ доме, где меня и сотни другихъ детей готовили къ благополучному **небытію** взрослыхъ **истукановъ**, въ которые ровесники мои безъ труда, безъ боли все и превратились; еще тогда, въ проклятые **тѣ** дни, среди тряпичныхъ книгъ, и ярко расписанныхъ **пособій**, и проникающихъ душу сквозняковъ, — я зналъ безъ **узнаванія**, я зналъ безъ удивленія. я зналъ, какъ знаешь себя, я зналъ то, что знать невозможно, — зналъ, пожалуй, еще яснее, **чѣмъ** знаю сейчасъ. Ибо замаяла **меня жизнь**: постоянный трепеть, утайка **знанія**, притворство, страхъ, болезненное **усиліе всѣхъ нервовъ** — не сдать, не прозвенеть... и до сихъ поръ у меня **еще** болитъ то место памяти, где запечатлелось самое начало этого **усилія**, **то-есть** первый разъ, когда я **понялъ**, что вещи, **казавшіяся** мне естественными, на самомъ **дѣлѣ** запретны, невозможны, что **всякій** помысль о нихъ преступень. Хорошо же запомнился тотъ день! Должно быть, я тогда только что научился выводить буквы, ибо вижу себя съ **тѣмъ мѣднымъ** колечкомъ на **мишницѣ**, которое надевалось **дѣтямъ**, умеющимъ уже списывать слова съ куртинъ въ школьномъ саду, где **пестуннн**, **фіюксы** и бархатцы образовали длинныя изречешія. Я сидѣлъ съ ногами на низкомъ подоконнике и смотрелъ сверху, какъ на газоне сада мои сверстники, въ такихъ же долгихъ розовыхъ рубашкахъ, въ какой былъ я, взявшись за руки, кружатся около столба съ лентами. Былъ ли я **наказанъ**? Нетъ, **вѣрнѣе** неохота другихъ детей прини-

мать меня въ игру и смертельное **стѣсненіе**, стыдъ, тоска, которые я самъ ощущалъ, присоединяясь къ нимъ, заставили меня предпочесть этотъ белый уголь подоконника, резко ограниченный тенью полуотворенной рамы. До меня доносились **воскликанія**, требуемая игрой, повелительно-**но-звонкій** голосъ рыжей гички, я видель ея локоны и очки, — и съ брезгливымъ ужасомъ, никогда не покидавшимъ меня, наблюдалъ, какъ самыхъ маленькихъ она подталкивала, чтобы они **вертѣлись** шибче. И эта учительница, и полосатый столбъ, и **бѣлыя** облака, **пропускавшія** скользящее солнце, которое вдругъ проливало такой страстный, **ищущій** чего-то **свѣтъ**, такъ искрометно повторялось въ **стеклѣ** откинутой рамы... Словомъ, я чувствовалъ такой страхъ и грусть, что старался потонуть въ себе самомъ, тамъ притаиться, точно хотель затормозить и выскользнуть изъ безмысленной жизни, несущей меня. Въ это время въ конце каменной галлерей, где я находился, появился **старѣйшій** изъ воспитателей, — имени его не помню, — толстый, потный, съ мохнатой черной грудью, — отправлялся **купаться**. Еще издали крикнувъ мне голосомъ, преувеличеннымъ акустикой, чтобы я шель въ садъ, онъ быстро приблизился, взмахнулъ полотенцемъ. Въ печали, въ **разсѣяннн**, безчувственно и невинно, — вместо того, чтобы спуститься въ садъ по лестнице (галлерей находилась въ третьемъ этаже), — я, не думая о томъ, что делаю, но въ сущности послушно, даже смиренно, прямо съ подоконника сошелъ на пухлый воздухъ и, — ничего не испытавъ особеннаго кроме **ощущенія** босоты (хотя былъ обуть), — медленно двинулся, естественнейшимъ образомъ ступилъ впередъ, все такъ же рассеянно посасывая и разглядывая палець, который утромъ занозиль... но вдругъ необыкновенная, оглушительная тишина вывела меня изъ раздумья, — я увидель внизу поднятыя ко мне, какъ бледныя маргаритки, лица оцепеневшихъ детей и какъ бы падавшую навзничъ гичку, увидель и кругло остриженные кусты, и еще не-

долетевшее до газона полотенце, увидѣлъ себя самого — мальчика въ розовой рубашке, застывшего стоймя среди воздуха, — увидѣлъ, обернувшись, въ трехъ воздушныхъ отъ себя шагахъ только что покинутое окно и протянувшего мохнатую руку, въ зловѣщемъ изумленіи——»

(Тутъ, къ сожалѣнію, погасъ въ камерѣ свѣтъ, — онъ тушился Родіономъ ровно въ десять).

§ 9.

И снова день открылся гуломъ голосовъ. Родіонъ угрюмо распоряжался, ему помогали еще трое служителей. На свиданіе явилась вся семья Марфиньки, со всею мебелью. Не такъ, не такъ воображали мы эту долгожданную встречу... Какъ они вваливались! Старый отецъ Марфиньки, — огромная лысая голова, мешки подъ глазами, каучуковый стукъ черной трости; братья Марфиньки, — близнецы, совершенно схожіе, но одинъ съ золотыми усами, а другой съ смоляными; дѣдъ и бабка Марфиньки по матери, — такіе старые, что уже просвѣчивали; три бойкія кузины, которыхъ, однако, въ послѣднюю минуту почему-то не пропустили; Марфинькины дѣти — хромой Дюмедонъ и болезненно полненькая Полина; наконецъ, сама Марфинька, въ своемъ выходномъ черномъ платьѣ, съ бархаткой вокругъ белой холодной шеи и зеркаломъ въ рукѣ; при ней неотступно находился очень корректный молодой человекъ съ безукоризненнымъ профилемъ.

Тесть, опираясь на трость, сѣлъ въ прибывшее вмѣстѣ съ нимъ кожаное кресло, поставилъ съ усиліемъ толсто замшевую ногу на скамеечку и, злобно качая головой, изъ подъ тяжестью вѣкъ уставился на Цинциннату, котораго охватило знакомое мутное чувство при виде бранденбурговъ, украшающихъ теплую куртку тестя, морщинъ около его рта, выражающихъ какъ бы вечное отвращеніе, и багроваго пятна на жилистомъ виске, со вздутіемъ вроде крупной изюмины на самой жиле.

Дѣдъ и бабка (онъ — дрожащій, ошипанный, въ за-
платанныхъ брючкахъ; она — стриженная, съ бѣлымъ бо-
брикомъ, и такая худенькая, что могла бы натянуть на
себя шелковый чехолъ зонтика) расположились рядыш-
комъ на двухъ одинаковыхъ стульяхъ съ высокими спин-
ками; дѣдъ не выпускалъ изъ маленькихъ волосатыхъ
рукъ громоздкаго, въ золоченной рамѣ, портрета своей
матери, — туманной молодой женщины, державшей въ
свою очередь какой-то портретъ.

Между тѣмъ все продолжали прибывать мебель,
утварь, даже отдѣльныя части стѣнъ. Сіялъ широкій зер-
кальный шкафъ, явившійся со своимъ личнымъ отражені-
емъ (а именно: уголокъ супружеской спальни, — полоса
солнца на полу, оброненная перчатка и открытая въ глу-
бине дверь). Вкатили невеселый съ ортопедическими ухи-
щреніями велосипедикъ. На столике съ инкрустаціями ле-
жалъ уже десять летъ плоскій гранатовый флаконъ и
шпилька. Марфинька сѣла на свою черную, вытканную ро-
зами, кушетку.

«Горе, горе!» — провозгласилъ тестъ и стукнулъ тростью.
Старички испуганно улыбнулись. «Папенька, оставьте,
вѣдь тысячу разъ пересказано», — тихо проговорила Мар-
финька и зябко повела плечомъ. Ея молодой человекъ
подать ей бахромчатую шаль, но она, нежно усмехнув-
шись однимъ уголкомъ тонкихъ губъ, отвела его чуткую
руку. («Я первымъ дѣломъ смотрю мужчине на руки»).
Онъ былъ въ шикарной черной формѣ телеграфнаго слу-
жащаго и надушень фіалкой.

«Горе!» — съ силой повторилъ тестъ и началъ подро-
бно и смачно проклинать Цинциннату. Взглядъ Цинцинна-
та увело зеленое въ белую горошинку платье Полины: ры-
женькая, косенькая, въ очкахъ, не смехъ возбуждающая,
а грусть этими горошинками и круглотой, тупо передви-
гая толстыя ножки въ коричневыхъ шерстяныхъ чулкахъ
и сапожкахъ на пуговкахъ, она подходила къ присутству-
ющимъ и словно cadaго изучала, серьезно и молчаливо

глядя своими маленькими **тсмными** глазами, которые **сходились** за переносицей. **Бѣдняжка** была обвязана **салфеткой**, — забыли, видно, снять **послѣ** завтрака.

Тестъ перевелъ духъ, опять стукнулъ тростью, и тогда Цинциннать сказала: «Да, я васъ слушаю».

«Молчать, **грубіянь**, — крикнулъ тотъ, — я вправ* ждать отъ тебя, — хотя бы сегодня, когда ты стоишь на **порогѣ** смерти, — немножко почтительности. Ухитрись угодить на плаху... Изволь мн* объяснить, какъ ты могъ, какъ **смѣль...**»

Марфинька что-то тихо спросила у своего молодого человека, который осторожно возился, шаря вокругъ себя и подъ собой на кушетк*; «н*тъ, и*тъ, ничего, — **отвѣ**тилъ онъ также тихо; — я должно быть ее по **дорогѣ** — Ничего, найдется... А скажите, вамъ нав*рное не **холодно?**» Марфинька, отрицательно качая головой, опустила **мягкую** ладонь къ нему на кисть; и тотчасъ отнявъ руку, **поправила** на кол*няхъ платье и шипящимъ шопотомъ **позвала** сына, который приставалъ къ своимъ дядьямъ, **отталкивавшимъ** его, — онъ имъ м*шалъ слушать. **Диомедонъ**, въ с*рой **блуз*** съ резинкой на бедрахъ, весь **искривляясь**, съ ритмическимъ **выкрутомъ**, довольно все же **проворно** прошелъ **разстояніе** отъ нихъ къ матери. Л*вая нога была у него здоровая, румяная; правая же походила на ружье въ сложномъ своемъ **снаряд***: стволь, ремни. Круглые **Каріе** глаза и **рѣдкія** брови были **материнскіе**, но нижняя часть лица, **бульдोजьи** брыльца — это было, конечно, чужое. «Садись сюда», — сказала вполголоса Марфинька и быстрымъ хлопкомъ задержала стекавшее съ **кушетки** ручное зеркало.

«Ты **мигѣ** **отвѣтъ**,—**продолжалъ** **тестъ**,—**какъ** ты **смѣль**, ты, счастливый семьянинъ, — прекрасная обстановка, **чудныя** д*тишки, любящая жена, — какъ ты см*ль не **принять** во **вниманіе**, какъ не одумался, злод*й? Мн* **сдается** иногда, что я просто-напросто старый болванъ и ничего не понимаю, — потому что иначе надобно допустить такую

бездну мерзости... Молчать!» — взревель онъ, — и старички опять вздрогнули и улыбнулись.

Черная кошка, потягиваясь, напрягая **Заднія** лапки, бокомъ потерлась о **ногу** Цинцинната, потомъ очутилась на буфете, проводившемъ ее глазами, и оттуда беззвучно прыгнула на плечо къ адвокату, который, только что на цыпочкахъ войдя, **сидѣль** въ углу на плюшевомъ **пуфе**, — очень былъ простуженъ, и, поверхъ готоваго для **употребленія** носового платка, оглядывалъ **присутствующихъ** и различные предметы домашняго обихода, **придававшіе** такой видъ камере, точно тутъ происходилъ аукціонъ; кошка испугала его, онъ судорожно ее скинулъ.

Тестъ клокоталь, множиль **проклятія** и уже начиналъ **хрипѣть**. Марфинька прикрыла рукой глаза, ея молодой **словѣкъ** смотрель на нее, играя желваками скуль. На **диванчике** съ изогнутымъ **прислономъ сидѣди** брата Марфиньки; **брюнетъ**, весь въ желтомъ, съ открытымъ воротомъ, держаль трубку нотной бумаги еще **безъ нотъ**; — былъ однимъ изъ первыхъ певцовъ города; его братъ, въ лазоревыхъ шароварахъ, щеголь и острякъ, принесъ подарокъ зятю, — вазу съ ярко сделанными изъ воска фруктами. Кроме того, онъ на рукаве устроиль **себѣ** креповую повязку и, лоя взглядъ Цинцинната, указываль на нее пальцемъ.

Тестъ на вершине **краснорѣчиваго** гнева вдругъ задохнулся и такъ двинуль кресломъ, что тихонькая Полина, стоявшая рядомъ и глядевшая ему въ ротъ, повалилась назадъ, за кресло, где и осталась лежать, надеясь, что никто не заметилъ. Тестъ **началь** съ трескомъ вскрывать папиросную коробку. **Все** молчали.

Примятые звуки постепенно начинали расправляться. Братъ Марфиньки, **брюнетъ**, прочистиль горло и пропелъ вполголоса: «Mali è trano **t'amesti...**» — осекся и посмотрель на брата, который **сдѣлаль** страшные глаза. Адвокатъ, чему-то улыбаясь, опять принялся за **платокъ**. Мар-

финька на **кушеткѣ** перешептывалась со своимъ кавалеромъ, который упрашивалъ ее накинуть шаль, — тюремный воздухъ былъ сыроватъ. Они говорили на вы, но съ какимъ грузомъ **нѣжности** проплывало это «вы» на горизонтѣ ихъ едва уловимой бес*ды... Старичокъ, ужасно дрожа, всталъ со стула, передалъ портретъ старушк* и, заслоня дрожавшее, какъ онъ самъ, пламя, подошелъ къ своему зятю, а Цинциннатову тестю, и хот*ль ему — Но пламя потухло, и тотъ сердито поморщился:

«Надоѣли, право, со своей дурацкой зажигалкой», — сказалъ онъ угрюмо, но уже безъ гн*ва, — и тогда воздухъ совс*мъ оживился, и сразу заговорили вс*. «Mali ĉ trano t'amesti...», полнымъ голосомъ проп*ль Марфинькинъ братъ. «Дюмедонъ, оставь моментально кошку, — сказала Марфинька, — позавчера ты уже одну задушилъ, не п*зи же каж*дый день. Огннмге, пожалуйста, у него, Викгоръ, милый». Пользуясь общимъ **оживленіемъ**, Полина выползла изъ-за кресла и тихонько встала. Адвокатъ подошелъ къ Цинциннатову тестю и далъ ему огня.

«Возьми-ка слово «ропотъ», — говорилъ Цинциннату его шуринь, острякъ, — и почти обратно. А? См*шно получается? Да, братъ, — втяпался ты въ **исторію**. Въ самомъ д*л*, какъ это тебя угораздило?»

Между т*мъ дверь незам*тно отворилась. На порог*, оба одинаково держа руки за спиной, стояли м-сье Пьеръ и директоръ — и тихо, деликатно, двигая только зрачками, осматривали общество. Смотр*ли они такъ съ минутой, прежде ч*мъ удалиться.

«Знаешь что, — жарко дыша, говорилъ шуринь, — послушайся друга муругаго. Покайся, Цинциннатикъ. Ну, сдѣлай одолженіе. Авось еще простятъ? А? Подумай, какъ это **непріятно**, когда башку рубятъ. Что теб* стоить? Ну, покайся, — не будь **остолопомъ**».

«Мое почтеніе, мое почтеніе, мое почтеніе, — сказалъ адвокатъ, подходя. — Не **цѣлуйте** меня, я еще сильно

простужень. О чемъ разговоръ? **Чѣмъ** могу быть полезенъ?»

«Дайте **мне** пройти, — прошептала Цинциннать, — я долженъ два слова жене...»

«Теперь, **милѣйшій**, обсудимъ вопросъ **матеріальный**, — сказала **освѣжившійся** теща, протягивая **такъ палку**, что Цинциннать на нее наскочила. — Пстой, пстой **же**, я съ тобой говорю!»

Цинциннать прошелъ дальше; надо было обогнуть большой столъ, накрытый на десять персонъ, и **затѣмъ** протиснуться между ширмой и шкапомъ **для** того, чтобы добраться до Марфиньки, прилегшей на **кушеткѣ**. Молодой **человѣкъ** шалью прикрылъ ей ноги. Цинциннать уже почти добрался, но вдругъ раздался злобный **взвизгъ** Діомедона. Онъ оглянулся и **увидѣлъ** Эммочку, неизвѣстно какъ попавшую сюда и теперь дразнившую мальчика: **подражая** его хромоте, она припадала на одну ногу со сложными ужимками. Цинциннать поймалъ ее за **голое** предплечье, но она вырвалась, побежала; за ней спешила, переваливаясь, Полина въ тихомъ экстазе любопытства.

Марфинька повернулась къ нему. Молодой **человѣкъ** очень корректно всталъ. «Марфинька, на два слова, умоляю тебя», — скороговоркой **произнесъ** Цинциннать, споткнулся о подушку на полу и неловко **сѣлъ** на край кушетки, запахиваясь въ свой **пепломъ** запачканный **чалатъ**. «Легкая мигрень, — сказала молодой человекъ. — Оно и понятно. Ей вредны **такія волненія**». «Вы правы, — сказала **Цинциннать**. — **Да**, вы правы. Я хочу васъ попросить... мне нужно наедине...» «Позвольте, сударь», — раздался **голосъ** Родіона возле него. **Цинциннать** **всгалъ**. Родіонъ и другой служитель взялись, глядя другъ другу въ глаза, за кушетку, на которой полулежала Марфинька, **крякнули**, **подняли** и понесли къ **выходу**. «**До свиданья**, до свиданья», — по-детски кричала Марфинька, покачиваясь въ ладъ съ шагомъ носильщиковъ, но вдругъ

зажмурилась и закрыла лицо. Ея кавалеръ озабоченно шель сзади, неся поднятые съ полу черную шаль, **букетъ**, свою фуражку, единственную перчатку. Кругомъ была суета. Братья убирали посуду въ сундукъ. Ихъ отецъ, астматически дыша, одолеваль многостворчатую ширму. Адвокатъ **всѣмъ** предлагаль пространный листъ оберточной бумаги, **неизвѣстно гдѣ** имъ добытый; его видели безуспешно пытающимся завернуть въ него чанъ съ бледно-оранжевой рыбкой въ мутной воде. Среди суеты широкій шкапъ со своимъ личнымъ отраженіемъ стояль, какъ брюхатая женщина, бережно держа и отворачивая зеркальное чрево, чтобы не задела. Его наклонили назадъ и, шатаясь, унесли. Къ Цинциннату подходили прощаться. «**Ну-съ**, не поминай лихомъ», — сказалъ тестъ и съ холодной учтивостью **поцѣловаль** Цинциннату руку, какъ того требоваль обычай. Белокурый братъ посадилъ черняваго къ себе на плечи, и въ такомъ положеніи они съ Цинциннатомъ простились и ушли, какъ живая гора. Дедъ съ бабкой, вздрагивая, кланялись и поддерживали туманный портретъ. Служители все продолжали выносить мебель. Подошли дети: Полина, серьезная, поднимала лицо, а Дюмедонъ, напротивъ, смотрель въ полъ. Ихъ увель, держа обоихъ за руки, адвокатъ. Последней подлетела **Эмочка**: бледная, заплаканная, съ розовымъ носомъ и трепещущимъ мокрымъ ртомъ, — она молчала, но вдругъ поднялась на слегка хрустнувшихъ носкахъ, обвивъ горячія руки вокругъ его шеи, — неразборчиво зашептала что-то и громко всхлипнула. Родюнъ схватилъ ее за кисть, — судя по его **бормотанію**, онъ зваль ее давно и теперь **решительно** потащилъ къ выходу. Она же, изогнувшись, **отклонивъ** и обернувъ къ Цинциннату голову со струящимися волосами и протянувъ къ нему ладонью кверху очаровательную руку, съ видомъ балетной пленницы, но съ тенью настоящаго **отчаянія**, нехотя следовала за влачившимъ ее Родюномъ, — глаза у нея закатывались, бридочка сползла съ плеча, — и вотъ онъ размашисто, какъ изъ

ведра воду, выплеснулъ ее въ **коридоръ**; все еще бормоча, вернулся съ совкомъ, чтобы подобрать трупъ кошки, плоско **лежавшій** подъ стуломъ. Дверь съ грохотомъ **захлопнулась**. **Трудно** было теперь **повѣрить**, что въ этой **камерѣ** только что —

§ Ю.

«Когда волченокъ ближе познакомится съ моими взглядами, онъ перестанетъ меня дичиться. Кое-что, впрочемъ, уже достигнуто, и я сердечно этому радъ», — говорилъ м-сье Пьеръ, сидя по своему **обыкновенію бочкомъ** къ столу, съ плотно скрещенными жирными ляжками, и беря одной рукой беззвучные аккорды на клеенкой покрытомъ стол*. Цинциннать, подпирая **голову**, лежалъ на **койкѣ**.

«Мы сейчасъ одни, а на двор* дождь, — **продолжалъ** м-сье Пьеръ. — Такая погода **благоприятствуетъ** задушевнымъ **шушуканіямъ**. Давайте разъ навсегда выяснимъ... У меня создалось **впечатлѣніе**, что васъ удивляетъ, даже коробитъ, отношеніе нашего начальства ко мн*; выходитъ такъ, будто я на **положеніи** особомъ, — н*тъ, н*тъ, не возражайте, — давайте ужъ на чистоту, коли на то пошло. Позвольте же мн* сказать вамъ дв* вещи. Вы знаете нашего милаго директора (кстати: волченокъ къ нему не совс*мъ справедливъ, но объ **этомъ послѣ...**), вы знаете, какъ онъ впечатлителенъ, какъ пылокъ, какъ увлекается всякой новинкой, — думаю, что и вами онъ увлекался въ первые дни, — такъ что **пассія**, которой онъ теперь ко мн* воспылалъ, не должна васъ смущать. Не будемъ такъ ревнивы, **другъ** мой. Во-вторыхъ, какъ это ни странно, но повидимому вамъ до сихъ поръ неизв*стно, за что я угодилъ сюда, — а вотъ, когда я вамъ скажу, вы многое поймете. Простите, — что это **у** васъ на ше*, — вотъ тутъ, тутъ, — да, тутъ».

«Гд*?» — машинально спросилъ Цинциннать, ощупывая себ* шейные позвонки.

М-сье Пьеръ подошелъ къ нему и **сѣлъ** на край койки. «Вотъ тутъ, — сказалъ онъ, — но я теперь вижу, — это просто тень такъ падала. **Мнѣ** показалось — какая-то маленькая опухоль. Вы что-то неловко двигаете головой. Болитъ? Простудили?»

«Ахъ, не приставайте ко **мнѣ**, прошу васъ», — скорбно **сказать** Цинциннать.

«Неть, постойте. У меня руки чистыя, позвольте мне **тутъ** прощупать. Какъ будто все-таки... Вотъ тутъ не болит? А тутъ?»

Маленькой, но мускулистой рукой онъ быстро трогалъ Цинциннату за шею, внимательно осматривая ее и съ легкимъ присвистомъ дыша черезъ носъ.

«Неть, ничего. Все у васъ въ исправности, — сказала **она наконецъ**, отодвигаясь и хлопая **паціента по** загривку. — Только ужасно она у васъ тоненькая, — но такъ все нормально, а то знаете иногда **случается**———Покажите языкъ. Языкъ — зеркало желудка. Накройтесь, накройтесь, тутъ прохладно. О чемъ мы **бесѣдовали?** Напомните мне».

«Если бы вы действительно желали мне блага, — сказалъ Цинциннать, — то оставили бы меня въ покое. Уйдите, прошу васъ».

«Неужели вы **не** хотите меня выслушать, — возразилъ съ улыбкой м-сье Пьеръ, — неужели вы такъ упрямо верите въ **непогрѣшимость** своихъ выводовъ, — неизвестныхъ мне вдобавокъ, — заметьте это, неизвестныхъ».

Цинциннать молчала, пригорюнившись.

«Такъ позвольте рассказать, — съ некоторою торжественностью продолжалъ м-сье Пьеръ, — какого рода совершено мною **преступленіе**. Меня обвинили, — справедливо или неть, это другой вопросъ, — меня обвинили... Въ чемъ же, какъ вы полагаете?»

«Да ужъ скажите», — проговорилъ съ вялой усмешкой Цинциннать.

«Вы будете потрясены. Меня обвинили въ попытке...

Ахъ, неблагодарный, **недовѣрчивый другъ**... Меня обвинили въ попытке помочь вамъ бежать отсюда».

«Это правда?» — спросилъ Цинциннать.

«Я никогда не **лгу**, — внушительно сказала м-сье Пьеръ. — Можетъ быть, нужно иногда лгать, — это другое дело, — и, можетъ быть, такая щепетильная правдивость глупа и не приноситъ въ концѣ концовъ никакой пользы, — допустимъ. Но фактъ остается фактомъ: **я никогда** не лгу. Сюда, голубчикъ мой, я попалъ **изъ-за** васъ. Меня взяли ночью... **Где?** Скажемъ въ **Вышнеградъ**. Да, — я вышнеградецъ. Солеломни, плодовые сады. Если вы когда-нибудь пожелали бы **пріѣхать** меня навестить, угощу васъ нашими вышнями, — не отвечаю за **каламбуръ**, — такъ у насъ въ городскомъ гербе. Тамъ — не въ гербе, а въ остроге — вашъ покорный слуга просидель трое сутокъ. Затемъ — экстренный судъ. Затемъ — перевели сюда».

«Вы, значить, хотели меня спасти...» — задумчиво произнесъ Цинциннать.

«Хотелъ ли' я или не хотелъ — мое дело, **другъ** сеодечный, гараканъ запечный. Во всякомъ случае, меня въ этомъ обвинили, — доносчики, знаете, все публика молодая, горячая, и вотъ: «я здѣсь передъ вами стою **въ** упоенье...» — **помните**, романсъ? Главной уликой послужилъ какой-то планъ сей крепости съ моими будто бы пометками. Я, видите ли, будто бы продумалъ въ мельчайшихъ деталяхъ идею вашего бегства, таракаша».

«Будто бы или — ?» — спросилъ Цинциннать.

«Какое это наивное, прелестное существо! — **оскдабился** м-сье Пьеръ, показывая многочисленные зубы. — У него все такъ просто, — какъ, увы, не бываетъ въ жизни!»

«Но хотелось бы знать», — сказала Цинциннать.

«Что? Правы ли были **мои судьи**? Действительно ли я собирался васъ спасать? Эхъ вы...»

«Значить правда?» — прошептала Цинциннать.

М-сье Пьеръ всталъ и заходилъ по камере. «**Оставимъ**

это, — сказалъ онъ со **вздохомъ**, — **рѣшайте** сами, **недовѣрчивый** другъ. Такъ ли, иначе ли, — но сюда я попалъ **изъ-за** васъ. Болѣе того: мы и на эшафотъ взойдемъ **вместе**».

Онъ ходилъ по камере, тихо, упруго ступая, подрагивая мягкими частями тела, обхваченнаго казенной пижамкой, — и Цинциннать съ тяжелымъ, **унылымъ вниманіемъ слѣдилъ** за каждымъ шагомъ проворнаго толстячка.

«Смеха ради, поверю, — сказалъ **наконецъ** Цинциннать, — посмотримъ, что изъ этого получится. Вы слышите, — я вамъ верю. И даже, для вящей правдоподобности васъ благодарю».

«Ахъ, зачемъ, это уже лишнее... — проговорилъ м-сье Пьеръ и опять сѣлъ у стола. — Просто мне **хотѣлось**, чтобы вы были въ курсе... Вотъ и прекрасно. Теперь намъ обоимъ легче, правда? Не знаю, какъ вамъ, но **мнѣ** хочется плакать. И это — хорошее чувство. Плачьте, не удерживайте **этихъ** здоровыхъ слезъ».

«Какъ тутъ ужасно», — осторожно сказалъ Цинциннать.

«Ничего не ужасно. Кстати, я давно хотелъ васъ пожуричь за ваше отношеніе къ здешней жизни. Нетъ, нетъ, не отмахивайтесь, разрешите мне на правахъ дружбы... Вы несправедливы ни къ доброму нашему Родіону, ни **тѣмъ** более къ господину директору. Пускай онъ человекъ не очень умный, несколько напыщенный, ветроватый, — при этомъ любить поговорить, — все такъ, мне самому бываетъ не до него, и я, разумеется, не могу съ нимъ **делиться** сокровенными думами, какъ съ вами делюсь, — особенно когда на **душе** кошки, простите за **выраженіе**, скребутся. По каковы бы ни были его недостатки, — онъ человекъ прямой, честный и добрый. Да, редкой доброты. — не спорьте, — я не говорилъ бы, кабы не зналъ, а я никогда не говорю наобумъ, и я опытнее, лучше знаю жизнь и людей, чемъ вы. Вотъ мне и больно бываетъ смотреть, съ какой жестокой холодностью, съ какимъ **надмен-**

нымъ презрѣніемъ вы отталкиваете Родрига Ивановича. Я у него въ глазахъ иногда читаю такую муку... Что же касается Родюна, то какъ это вы, такой умный, не умѣете разглядѣть сквозь его напускную грубоватость всю умиленную благость этого взрослога ребенка.. Ахъ, я понимаю, что вы нервны, что вамъ трудно безъ женщины, — а все-таки, Цинциннать, — вы меня простите, но нехорошо, нехорошо... И, вообще, вы людей обижаете... Едва притрагиваетесь къ замѣчательнымъ обедамъ, которые мы тутъ получаемъ. Ладно, пускай они вамъ не нравятся, — поверьте, что я тоже кое-что смыслю въ гастрономіи, — но вы издеваетесь надъ ними, — а вѣдь кто-то ихъ стряпаль, кто-то старался... Я понимаю, что тутъ иногда бываетъ скучно, что хочется и погулять и пошалить, — но почему думать только о себе, о своихъ хотѣніяхъ, почему вы ни разу даже не улынулись на старательныя шуточки милаго, трогательнаго Родрига Ивановича?.. Можетъ быть, онъ потомъ плачетъ, ночей не спитъ, вспоминая, какъ вы реагировали...»

«Защита во всякомъ случае остроумная, — сказалъ Цинциннать, — но я въ куклахъ знаю толкъ. Не уступлю.»

«Напрасно, — обиженно сказала м-сье Пьеръ. — Это вы еще по молодости летъ, — добавилъ онъ после молчанія. — Нѣтъ, нетъ, нельзя быть такимъ несправедливымъ...»

«А, скажите, — спросилъ Цинциннать, — вы тоже пребываете въ неизвестности? Роковой мужикъ еще не приехалъ? Рубка еще не завтра?»

«Вы бы такихъ словъ лучше не употребляли, — конфиденціально заметилъ м-сье Пьеръ. — Особенно съ такой интонащей... Въ этомъ есть что-то вульгарное, недостойное порядочнаго человека. Какъ это можно выговорить, — удивляюсь вамъ...»

«А все-таки — когда?» — спросилъ Цинциннать.

«Своевременно, — уклончиво отвѣтилъ м-сье Пьеръ, — что за глупое любопытство? И вообще... Нетъ, вамъ

еще многому надобно научиться, такъ нельзя. Эта заносчивость, эта предвзятость...»

«Но какъ они **тянутъ**... — сонно проговорилъ Цинциннать. — Привыкаешь, конечно... Изъ дня въ день держишь душу наготове, — а ведь возьмутъ врасплохъ. Такъ прошло *десять* дней, и я не свихнулся. Ну и надежда какая-то... Неясная, какъ въ воде, — но темъ привлекательнее. Вы говорите о бегстве... Я думаю, я догадываюсь, что еще кто-то объ этомъ печется... **Какіе-то** намеки... Но что, если это обманъ, складка матеріи, кажущаяся **человеческимъ лицомъ**...»

Онъ остановился, вздохнувъ.

«Неть, это любопытно, — сказала м-сье Пьеръ, — какія же это надежды, и кто этотъ спаситель?»

«**Воображеніе**, — отвечалъ Цинциннать. — А вамъ **бѣжать** хочется?»

«Какъ такъ—**бѣжать**? Куда?»—удивился м-сье Пьеръ.

Цинциннать опять вздохнулъ:

«Да не все ли равно — куда. Мы бы съ вами вместе... Но я не знаю, можете ли вы при вашемъ телосложешіи быстро бегать? Ваши ноги...»

«Ну, это вы того, заврались, — ерзя на стуле проговорилъ м-сье Пьеръ. — Это въ **дѣтскихъ** сказкахъ бегутъ изъ темницы. А **замѣчанія** насчетъ моей фигуры можете оставить при себе».

«Спать хочется», — сказала Цинциннать.

М-сье Пьеръ закаталъ правый рукавъ. Мелькнула та-туировка. Подъ удивительно белой кожей мышца переливалась, какъ толстое круглое животное. Онъ крепко ста гъ, схватилъ одной рукой стулъ, **перевернулъ** его и началъ медленно поднимать. Качаясь отъ **напряженія**, онъ **поддержалъ** его высоко надъ головой и медленно опустилъ. Это было еще только **вступленіе**.

Незаметно дыша, онъ долго, тщательно вытиралъ руки **краснымъ** платочкомъ, покаместъ паукъ, какъ мень-

шой въ цирковой **семьѣ**, **продѣлываль** нетрудный маленькій трюкъ надъ паутиной.

Бросивъ ему платокъ, м-сье Пьеръ вскричалъ **по-французски** и оказался **стбѣщимъ** на рукахъ. Его круглая голова понемножку наливалась красивой розовой кровью: левая штанина спустилась, обнажая шиколодку; перевернутые глаза, — какъ у всякаго въ такой **позитурѣ**, — стали похожи на глаза спрута.

«Ну что?» — спросилъ онъ, снова вспрыгнувъ и приводя себя въ порядокъ.

Изъ коридора донесся гулъ **рукоплесканій** — и потомъ, отдельно, на ходу, расхлябанно, захопалъ клоунъ, но бацнулся о барьеръ.

«Ну что? — повторилъ м-сье Пьеръ, — силушка есть? Ловкость налицо? Али вамъ этого еще **недостаточно?**»

М-сье Пьеръ однимъ прыжкомъ вскочилъ на столъ, всталъ на руки и зубами схватился за спинку стула. Музыка замерла. М-сье Пьеръ поднималъ крепко **закушн-**ный стулъ, вздрагивали натуженные мускулы, да скрипела челюсть.

Тихо отпахнулась дверь, и — въ ботфортахъ, съ бичомъ, напудренный и ярко, до сиреновой слепоты, освещенный, вошелъ директоръ цирка. «Сенсація! **Міровой номеръ!**» — прошепталъ онъ и, снявъ цилиндръ, селъ подле Цинцинната.

Что-то хрустнуло, и м-сье Пьеръ, выпустивъ изо рта стулъ, перекувырнулся и очутился опять на полу. Но **по-**видимому не **все** обстояло благополучно. Онъ **тотчасъ** прикрылъ ротъ платкомъ, быстро посмотрелъ **подъ столъ**, потомъ на стулъ, вдругъ увидель и съ глухимъ **прокляті-**емъ попытался сорвать со спинки стула впившуюся въ нее вставную челюсть на шарнирахъ. Великолепно оскаленная, она держалась мертвой хваткой. Тогда, не потерявшись, м-сье Пьеръ обнялъ стулъ и ушелъ съ нимъ вместе.

Ничего не **замѣтившій** Родригъ Ивановичъ бешено

апплодировалъ. Арена, однако, оставалась пуста. Онъ подозрительно глянулъ на Цинцинната, похлопалъ еще, но безъ прежняго жара, вздрогнулъ и съ разстроеннымъ видомъ покинулъ ложу.

На томъ представленіе и кончилось.

§ 11.

Теперь газетъ въ камеру не доставлялось: замѣтивъ, что изъ нихъ вырѣзается все, могущее касаться экзекуцій, Цинциннатъ самъ отказался отъ нихъ. Утренній завтракъ упростился: вмѣсто шоколада — хотя бы слабаго — давали брандахлысть съ флотиліей чаинокъ; grenковъ же было не раскусить. Родіонъ не скрывалъ, что обслуживание молчаливо-привередливаго узника наскучило ему.

За всѣмъ этимъ онъ какъ бы нарочно возился въ камере все дольше и дольше. Его жарко-рыжая бородища, безмысленная синева глазъ, кожаный фартукъ, руки, подобныя клешнямъ, — все это повторно слагалось въ такое гнетущее, нудное впечатлѣніе, что Цинциннатъ отворачивался къ стѣнѣ, откуда происходила уборка.

Такъ было и нынче, — и только возвращеніе стула, съ глубокими следами бульдожьихъ зубовъ на верхнемъ крае прямой спинки, послужило особой меткой для начала этого дня. Вмѣстѣ со стуломъ Родіонъ принесъ отъ м-сье Пьера записку, — барашкомъ завитой почеркъ, лепота знаковъ препинашя, подпись, какъ танецъ съ покрываломъ. Въ шутивыхъ и ласковыхъ словахъ соседъ благодарилъ за вчерашнюю дружескую беседу и выражать надежду, что она вскоре повторится. «Позвольте късь завѣрить, — такъ кончалась записка, — что физически я очень, очень силенъ (дважды, по линейке, подчеркнуто), и если вы въ этомъ еще не убедились, буду иметь честь какъ-нибудь показать вамъ еще некоторые интересные (подчеркнуто) примеры ловкости и поразительнаго мускульнаго развитія».

Затѣмъ три часа сряду, съ **незамѣтными** провалами печальнаго **ощѣпенѣнія**, Цинциннать, то пощипывая усы, то листая **книгу**, ходилъ по **камерѣ**. Онъ теперъ изучилъ ее досконально, — зналъ ее гораздо лучше, чѣмъ, скажемъ, комнату, где прожилъ много **лѣтъ**.

Со стенами дело обстояло такъ: ихъ было неизменно четыре; оне были сплошь выкрашены въ желтый цветъ; но, будучи въ тени, основной тонъ казался темно-гладкимъ, **глинчатымъ**, что-ли, по сравненію съ темъ переннымъ местомъ, где дневало ярко-охряное отраженіе окна: тутъ, на свету, были отчетливо заметны все пупырки густой, желтой краски, — даже волнистый заворотъ бороздокъ отъ дружно проехавшихся **волосковъ** кисти, —и была знакомая царапина, до которой этотъ драгоценный параллелограмъ света доходилъ въ десять часовъ утра.

Отъ дикаго каменнаго пола поднимался **ползучій**, хватающій за пятки, холодокъ; недоразвитое, злое, маленькое эхо обитало въ какой-то части слегка вогнутаго потолка, съ лампочкой (окруженной решеткой) посредине, — то есть нетъ, не **совсѣмъ** посредине: неправильность, мучительно раздражавшая глазъ, — и въ этомъ смысле не менее мучительна была неудавшаяся попытка закрасить железную дверь.

Изъ трехъ представителей мебели, — койки, стола, стула, лишь **последній** могъ быть передвигаемъ. Передвигался и паукъ. Вверху, тамъ, где начиналась пологая впадина окна, упитанный черный зверекъ нашель опорныя точки для первоклассной паутины съ той же сметливостью, которую выказывала Марфицька, когда въ непригоднейшемъ съ виду углу находила, где и какъ развесить белье для сушки. Такъ сложивъ передъ собою лапы, что торчали врозь мохнатыя локти, онъ круглыми карими глазами **глядѣлъ** на руку съ карандашомъ, тянувшуюся къ нему, и начиналъ пятиться, не спуская съ нея глазъ. Зато съ большой охотой бралъ кончиками лапъ изъ громадныхъ

пальцевъ Родіона муху или мотылька, — и вотъ сейчасъ, **напримѣръ**, на юго-западе паутины **ВИСЕЛО** сиротливое бабочкино крыло, румяное, съ шелковистой тенью **И** съ синими ромбиками по зубчатому **краю**. Оно **едва-едва ше-**велилось на тонкомъ **сквознякъ**.

Надписи на **стѣнахъ** были теперь замазаны. Исчезло **и** **расписаніе** правилъ. Унесенъ былъ — а можетъ быть **раз-**бить — **классическій** кувшинъ съ темной пещерной водой на гулкомъ донце. Голо, грозно и холодно было въ этомъ помещеніи, где свойство **«тюремности»** подавлялось **безстрастіемъ** — канцелярской, больничной или какой другой — комнаты для ожидающихъ, когда **дѣло** уже къ вечеру, и слышно только **жужжаніе** въ ушахъ... **при-**чемъ ужасъ этого **ожиданія** былъ какъ то сопряженъ съ неправильно найденнымъ центромъ потолка.

На столе, накрытомъ съ некоторыхъ поръ **клѣтчатой** клеенкой, лежали, въ сапожно-черныхъ переплетахъ, **би-**бліотечные томы. **Карандашъ**, утратившій стройность и сильно искусанный, покоился на мельницей **сложенныхъ**, стремительно исписанныхъ листахъ. Тутъ же валялось письмо къ **Марфинькѣ**, оконченное **Цинциннатомъ** еще накануне, **то-есть** въ день **послѣ** свиданія; но онъ все не могъ решиться отослать его, а потому далъ ему полежать, точно отъ самага предмета ждалъ того **созрѣванія**, котораго **никакъ** не достигала безвольная, нуждавшаяся въ другомъ климате, мысль.

Речь будетъ сейчасъ о драгоценности Цинцинната; о его плотской неполноте; о томъ, что главная его часть находилась **совсѣмъ** въ другомъ **мѣстѣ**, а тутъ, недоумевая, блуждала лишь **незначительная** доля его, — **Цинцин-**натъ бедный, смутный, Цинциннатъ сравнительно глупый, — какъ бываешь во сне доверчивъ, слабъ и глупъ. Но и во сне — все равно, все равно, — настоящая его жизнь слишкомъ сквозила.

Прозрачно побелевшее лицо Цинцинната, съ пушкомъ на впалыхъ щекахъ и усами такой нежности волосяной

субстанцш, что это, казалось, **растрепавшійся** надъ губой солнечный **свѣтъ**; небольшое **И** еще молодое, не взирая на все терзашя, лицо Цинцинната, со скользящими, непостояннаго **оттѣнка**, слегка какъ бы призрачными, глазами, — было по **выраженію** своему совершенно у насъ недопустимо, — особенно теперь, когда онъ пересталъ **гнаться**. Открытая сорочка, **распахивающійся** черный **халатикъ**, слишкомъ большія туфли на тонкихъ ногахъ, философская ермолка на макушке и легкое **шевеленіе** (откуда то все-таки былъ сквознякъ!) прозрачныхъ **волосъ** на вискахъ — дополняли этотъ образъ, всю непристойность котораго трудно словами выразить, — она складывалась изъ тысячи едва **примѣтныхъ**, **пересѣкающихся** мелочей, — изъ **свѣтлыхъ** очерташй какъ бы не **совсѣмъ** дорисованныхъ, но мастеромъ изъ мастеровъ тронутыхъ губъ, изъ порхающаго **движенія** пустыхъ, еще не подтушеванныхъ рукъ, изъ **разбѣгающихся** и сходящихся вновь лучей въ дышащихъ глазахъ... но и это все разобранное и **разсмотрѣнное**, еще не могло истолковать Цинцинната: это было такъ, словно одной стороною своего существа онъ неумовимо переходилъ въ другую плоскость, какъ вся сложность древесной листвы переходить изъ **тѣни** въ блескъ, такъ что не разберешь, где начинается погруженіе въ трепеть другой **стихіи**. Казалось, что вотъ-вотъ, въ своемъ передвиженш по ограниченному пространству **кос-**какъ выдуманной камеры, Цинциннать такъ ступить, что естественнo и безъ **усилія** проскользнетъ за кулису воздуха, въ какую-то воздушную световую щель, — и уйдетъ туда съ той же непринужденной гладкостью, съ какой передвигается по всемъ **предметамъ** и вдругъ уходитъ какъ бы за воздухъ, въ другую глубину, **бѣгушій** отблескъ **поворачивасмаго** зеркала. При этомъ все въ немъ дышало тонкой, сонной, — но въ сущности необыкновенно сильной, горячей и **своебытной** жизнью: **голубья**, какъ самое голубое, пульсировали жилки, чистая, хрустальная слюна **увлажняла** губы, трепетала кожа на щекахъ, на лбу, okay-

мленномъ раствореннымъ свѣгомъ... и такъ это все дразнило, что наблюдателю хотѣлось тутъ же раззять, искромсать, изничтожить и навѣки развеять по ветру эту легкую, нагло ускользящую плоть и все то, что подразумевалось ею, что невнятно выражала она собой, все то невозможное, вольное, ослепительное, — довольно, довольно, — не ходи больше, лягъ на койку, Цинциннатъ» такъ, чтобы не возбуждать, не раздражать, — и действительно, почувствовавъ хищный порывъ взгляда сквозь дверь, Цинциннатъ ложился или садился за столъ, раскрывалъ книгу.

Книги, чернѣвшія на столе, были вотъ какія: во-первыхъ, современный романъ, который Цинциннатъ въ бытность свою на свободе прочитать не удосужился; во-вторыхъ, одна изъ тѣхъ безъ числа издаваемыхъ хрестоматій, въ которыхъ собраны сжатые переделки и выдержки изъ древней литературы; въ-третьихъ, переплетенные номера стараго журнала; въ-четвертыхъ, несколько потрепанныхъ томиковъ плотенькаго труда на непонятномъ языке, принесенныхъ по ошибке, — онъ этого не заказывали

Романъ былъ знаменитый «Quercus», и Цинциннатъ прочелъ изъ него уже добрую треть: около тысячи страницъ. Героємъ романа былъ дубъ. Романъ былъ біографіей дуба. Тамъ, где Цинциннатъ остановился, дубу шелъ третій векъ; простой расчетъ подсказывалъ, что къ концу книги онъ достигнетъ по крайней мѣрѣ возраста шестисотлѣтняго.

Идея романа считалась вершиной современнаго мышленія. Пользуясь постепеннымъ развитіемъ дерева (одиноко и мощно росшаго у спуска въ горный доль, где вечно шумели воды), авторъ чередой разворачивалъ все тѣ историческія событія, — или тени событій — коихъ дубъ могъ быть свидетелемъ; то это былъ діалогъ между воинами, сошедшими съ коней — изабелловой

масти и въ яблокахъ, — дабы отдохнуть подь **свѣжей сѣнью** благородной листвы; то — приваль **разбойниковъ** и песня простоволосой беглянки; **то** — **подь синимъ** зигагомъ грозы **поспѣшый** проездъ вельможи, **спасающа**гося отъ царскаго гнева; то на плаще трупъ, какъ будто еще **трепещущій** — отъ **движенія** лиственной тени; то — мимолетная драма въ среде **поселянъ**. Быль въ полторы страницы параграфъ, въ которомъ все слова начинались на п.

Авторъ, казалось, сидитъ со своимъ аппаратомъ гдето въ вышнихъ ветвяхъ **Quercus'a**, высматривая и ловя добычу. Приходили и уходили различные образы жизни, на мигъ задерживаясь среди зеленыхъ бликовъ. Естественные же промежутки **бездѣйствія** заполнялись учеными **описаніями** самага дуба, съ точки **зрѣнія** дендрологіи, орнитологіи, колеоптерологіи, мифологіи, — или **описанія**ми популярными, съ **участіемъ** народнаго юмора. Приводился, между прочимъ, подробный списокъ всехъ вензелей на коре съ ихъ **толкованіемъ**. **Наконецъ** немало **вниманія** уделялось музыке водъ, палитре зорь и **поведенію** погоды.

Цинциннать почиталь, отложилъ. Это произведете было безспорно лучшее, что создало его время, — однако же онъ одолеваль страницы **съ** тоской, безпрестанно потопляя повесть волной собственной мысли: на что мне это далекое, ложное, мертвое, — мне, готовящемуся умереть? Или же начиналь представлять себе, какъ авторъ, человекъ еще молодой, **живущій**, говорятъ, на острове въ Северномъ, что-ли, море, самъ будетъ умирать, — и это было какъ-то смешно, — что вотъ когда-нибудь непременно умереть авторъ, — а смешно было потому, что единственнымъ тутъ настоящимъ, реально несомненнымъ, была всего лишь смерть, — неизбежность **физической** смерти автора.

Светъ **мѣняль** место на стене. Являлся Родюнь съ темъ, что онъ называль фриштыкъ. Опять **бабочкино**

крыло скользило у него въ пальцахъ, оставляя на нихъ **цвѣтную** пудру.

«Неужели онъ все еще не **пріѣхалъ?**» — спросилъ Цинциннать, задавая уже не впервые этотъ вопросъ, **сильно сердившій Родіона**, который и теперь не **отвѣтилъ** ничего.

«А **свиданія** больше не дадутъ?» — спросилъ Цинциннать.

Въ **ожиданіи** обычной изжоги, онъ прилежъ на койку и, повернувшись къ **стѣнѣ**, долго-долго помогаль образоваться на ней рисункамъ, покладисто составлявшимся изъ бугорковъ лоснившейся краски и кругленькихъ ихъ **тѣней**; находилъ, **напримѣръ**, крохотный профиль съ **большимъ** мышимъ ухомъ; потомъ терялъ и уже не могъ возстановить. Отъ этой вохры тянуло могилой, она была прыщевата, ужасна, но все-таки взгляды продолжалъ выбирать и соображать нужныя пупырки, — такъ недоставало, такъ жаждалось хотя бы едва **намѣченныхъ** **человѣческихъ** чертъ. Наконецъ онъ повернулся, легъ навзничъ и съ **тѣмъ** же вниманіемъ сталъ разсматривать **тѣни** и трещины на **потолкѣ**.

«А въ общемъ они, кажется, доканали меня, — подумалъ Цинциннать. — Я такъ размякъ, что это можно будетъ **сдѣлать** фруктовымъ ножомъ».

Нѣсколько времени онъ **сидѣлъ** на краю койки, зажавъ руки между **колѣнями**, сутулясь. Испустивъ дрожащій вздохъ, пошелъ снова бродить. Интересно, все-таки, на какомъ это **языкѣ**. Мелкіи, густой, узористый наборъ, съ **какими-то** точками и живчиками внутри серпчатыхъ буквъ, былъ, пожалуй, восточный, — напоминалъ **чѣмъ-то** надписи на **музейныхъ** кинжалахъ. Томики **такіе** старые, **псамурныя** странички... иная въ желтыхъ **подтекахъ**...

Часы пробили семь, и **вскорѣ** явился Родіонъ съ **обѣдомъ**.

«Онъ **навѣрное** еще не пріѣхалъ?» — спросилъ Цинциннать.

Родіонъ было ушелъ, но на **порогѣ** обернулся:

«Стыдь и страмъ, — **проговорилъ** онъ, всхлипнувъ, — денноночно груши околачиваете... кормишь васъ тутъ, холишь, самъ на ногахъ не стоишь, а вы только и знаете, что съ неумными вопросами лезть. Тьфу, **безсовѣстный...**»

Время, ровно жужжа, продолжало течь. Въ **камерѣ** воздухъ потемнелъ, и когда онъ уже былъ **совсѣмъ** слепой и вялый, **ДЕЛОВИТО** зажегся свѣтъ посредине потолка, — нетъ, какъ разъ то и не посредине, — мучительное **напоминаніе**. Цинциннать **раздѣлся** и легъ въ постель съ **Quercus'омъ**. Авторъ уже добирался до цивилизованныхъ эпохъ, — судя по разговору трехъ **веселыхъ** путниковъ, Тита, Пуда и Вечнаго Жида, тянувшихъ изъ фляжекъ вино на прохладномъ мху подъ чернымъ вечернимъ дубомъ.

«Неужели никто не спасеть?» — вдругъ громко спросить Цинциннать и **присѣлъ** на постели (руки бедняка, **показывающаго**, что у него ничего нетъ).

«Неужели никто», — повторилъ Цинциннать, глядя на безпощадную желтизну **стѣнъ** и все также держа **пустыя** ладони.

Сквознякъ обратился въ дубравное **дуновеніе**. Упалъ, подпрыгнувъ и покатился по **одѣялу сорвавшійся** съ **дремучихъ тѣней**, разросшихся наверху, крупный, вдвое крупнее, чѣмъ въ натуре, на славу **выкрашенный** въ **блестящій** желтоватый цветъ, отполированный и плотно, какъ яйцо, **сидѣвшій** въ своей пробковой чашке, бутафорскій жолудь.

§ 12.

Онъ проснулся отъ глухого **постукиванія**, свербежа, что-то **гдѣ-то** осыпалось. Такъ, уснувъ съ вечера здоровымъ, просыпаешься за полночь въ жару. Онъ довольно долго слушалъ эти звуки, — турупъ, турупъ, **тэкъ, тэкъ, тэкъ**, — безъ мысли объ ихъ значеніи, а просто такъ, — потому что они разбудили его, и потому что слуху ничего другого не оставалось делать. Турупъ, **стукъ, скре-**

бетъ, сыпь-сыпь-сыпь-сыпь. Где? Справа? Слева? Цинциннать приподнялся.

Онъ слушалъ, — вся голова обратилась въ слухъ, все тело въ тугое сердце; онъ слушалъ и уже со смысломъ разбирался въ **нѣкоторыхъ** признакахъ: слабый настой темноты въ **камерѣ...** темное осело на дно... За решеткой окна — серый **полусвѣтъ:** значить — три, половина **четвертаго...** **Замерзшіе** сторожа спятъ... Звуки идутъ откуда-то снизу, — нетъ, пожалуй, сверху, — нетъ, все-таки снизу, — точно за стеной, на уровне пола, скребется **желѣзными** когтями большая мышь.

Особенно волновала Цинцинната сосредоточенная **увѣренность** звуковъ, настойчивая серьезность, съ которой они преследовали въ тишине крепостной ночи — быть можетъ еще далекую, — но несомненно достижимую цель. Сдерживая дышаше, онъ, съ призрачной легкостью, какъ листъ папиросной бумаги, соскользнулъ ...и на цыпочкахъ, по липкому, цепкому... къ тому углу, откуда, какъ будто... какъ будто... но, подойдя, понялъ, что ошибся, — стукъ былъ правее и выше; онъ двинулся — и опять спутался, попавшись на томъ слуховомъ обмане, когда звукъ, проходя голову наискось, **второняхъ** обслуживается не темъ ухомъ.

Неловко переступивъ, Цинциннать заделъ поднось, **стоявшій у стѣны** на полу: «Цинциннать!» — сказалъ поднось укоризненно, — и тогда стукъ пріостановился съ резкой внезапностью, въ которой была для слушателя отраднейшая разумность, — и, неподвижно стоя у **стѣны**, большимъ иальцемъ ноги придавливая ложечку на **поднось** и **склонивъ** отверстую, полную голову, **Цинциннать** чувствовалъ, что **неизвѣстный** **копальщикъ** тоже **стыщеть** и **слушаетъ**, какъ и онъ.

Полминуты спустя, тише, сдержаннее, но еще выразительнее, еще умнее, возобновились звуки. Поворачиваясь и медленно сдвигая ступню съ цинка, Цинциннать попробовалъ снова определить ихъ **положеніе:** справа, ежели

стать лицомъ къ двери, — да, справа, — и во всякомъ случаѣ еще **далеко...** вотъ все, что после долгаго прислушиванія ему удалось заключить. Двинувшись наконецъ обратно къ койке, за туфлями, — а то босикомъ становилось невмочь, — онъ въ тумане вспугнулъ **громконогіи стуль,** никогда не **ночевавшій** на томъ же месте, — и опять звуки оборвались, — на сей разъ окончательно, то-есть можетъ быть они бы и продолжались **послѣ** осторожнаго перерыва, но утро уже входило въ силу, и Цинциннать **видѣль** — глазами привычнаго **представленія,** — какъ на своемъ табурете въ коридоре, весь дымясь отъ сырости и разевая ярко-красный ротъ, потягивается Родюнь.

Все утро Цинциннать прислушивался да прикидывалъ, **чѣмъ** бы и какъ изъяснить свое **отношеніе** къ **звукамъ** въ случае ихъ **повторенія.** На дворе разыгралась — просто, но со вкусомъ, поставленная — летняя гроза, въ камере было темно, какъ вечеромъ, слышался громъ, то крупный, круглый, то **колкій, трескучій,** и **молнія** въ неожиданныхъ местахъ печатала **отраженіе** решетки. Въ полдень явился Родригъ Ивановичъ.

«Къ вамъ пришли, — сказала онъ, — но я сперва хотеть **узнать**——»

«Кто?» — спросилъ Цинциннать, одновременно **подумавъ:** только бы не теперь... (то-есть только бы не теперь возобновился стукъ).

«Видите ли, какая **штукенція,** — сказала директоръ, — я неуверень, желаете ли вы... Дело въ томъ, что это ваша мать, — **voire mère, paraît-il.**

«Мать?» — переспросилъ Цинциннать.

«Ну да, — мать, мамаша, мамахень, — словомъ, **женщина,** родившая васъ. Принять? **Рѣшайте скорѣй.**

«...Видалъ всего разъ въ жизни, — сказала Цинциннать, — и, право, никакихъ **чувствъ...** нетъ, нетъ, не 'стоитъ, не надо, это ни къ чему».

«Какъ хотите», — сказала директоръ и вышла.

Черезъ минуту, любезно воркуя, онъ ввелъ маленькую,

въ черномъ мокромъ **макинтошѣ**, **Цецилію** Ц. «Я васъ оставлю вдвоемъ, — добавилъ онъ добродушно; — хотя это противъ нашихъ правилъ, но бываютъ положенія. . **исключенія**... мать и **сынъ**... преклоняюсь...»

Exit, пятась, какъ придворный.

Въ блестящемъ, черномъ своемъ **макинтошѣ** и въ такой же непромокаемой **шляпѣ** съ опущенными полями (**придававшихъ** ей что-то штормово-рыбачье), **Цецилія** Ц. осталась стоять посреди камеры, яснымъ взоромъ глядя на сына; разстегнулась; шумно втянула сопельку и сказала **скорымъ дробнымъ** своимъ говоркомъ: «**Грозище**, **грязище**, думала, никогда не **долѣзу**, **навстрѣчу** по **дорогѣ** **потоки**, **потопы**...»

«Садитесь, — сказалъ Цинциннать, — не стойте такъ».

«Что — что, а у васъ тутъ тихо, — продолжала она, **все** потягивая носомъ и **крѣпко**, какъ теркой, **прѳводя** **пальцемъ** подъ нимъ, такъ что его розовый кончикъ морщился и вилялъ. — Одно можно сказать — тихо и довольно чисто. У **насъ**, между прочимъ, въ **пріютѣ нѣту** **отдѣльныхъ** палатъ такого **размѣра**. Ахъ, постель, — **миленькій** мой — въ какомъ у васъ **видѣ** постель!»

Она плюхнула свой профессиональный саквояжикъ, проворно стянула черныя нитяныя перчатки съ маленькихъ подвижныхъ рукъ — и, низко наклонившись надъ койкой, принялась стелить, стелясь какъ бы сама, постель наново. Черная спина съ тюленьимъ глянцемъ, поясокъ, заштопанные чулки.

«Вотъ такъ-то лучше», — сказала она, разогнувшись, — и **затѣмъ**, на мгновешіе подбоченясь, покосилась на загроможденный книгами столъ.

Она была моложава, и **всѣ** ся черты подавали **примѣръ** цинциннатовымъ, по-своему **слѣдовавшимъ** ему; Цинциннать самъ смутно чувствовалъ это сходство, смотря на ея востроносое личико, на покатый блескъ прозрачныхъ глазъ. **Посрединѣ** довольно открытой груди **краснѣлся** отъ душики внизъ треугольникъ веснушатаго загара, — но, во-

обще, кожа была все та же, изъ которой **нѣкогда** выкроенъ былъ **отрѣзокъ, пошедшій** на Цинцинната, — **блѣд-ная**, тонкая, въ небеснаго цвета прожилкахъ.

«**Ай-я-яй**, тутъ тоже **слѣдовало бы...**» — пролепетала она и быстро, какъ все, что **дѣлала**, взялась за книги, **складывая** ихъ кучками. Мимоходомъ заинтересовавшись картинкой въ раскрытомъ **журналѣ, она** достала изъ кармана макинтоша бобовидный футляръ и, опустивъ углы рта, надела **пенснэ**. «Двадцать шестой годъ, — проговорила она, **усмѣхнувшись**, — какая старина, просто не верится».

(**...двѣ фотографіи**: на одной белозубый президентъ на вокзалѣ въ Манчестерѣ пожимаетъ руку умашенной **лентами** правнучке **послѣдняго** изобретателя; на другой — двуглавый теленокъ, **родившійся** въ деревнѣ на **Дунаѣ...**)

Она **безпричинно** вздохнула, отодвинула книжку, столкнула карандашъ, не успѣла поймать и произнесла: упс!

«Оставьте, — сказала Цинцинната, — тутъ не можетъ быть безпорядка, тутъ можетъ быть только перемеще-**ніе**».

«Вотъ — я вамъ принесла (вытянула, вытягивая и **подкладку**, фунтикъ изъ кармана пальто). Вотъ. Конфетокъ. Сосите на здоровьице».

Села и надула щеки.

«Лезла, долезла и устала», — сказала она, нарочито пыхтя, а потомъ застыла, глядя со смутнымъ **вождедѣніемъ** на паутину сверху.

«Зачемъ вы пришли? — спросилъ Цинцинната, шагая по камерѣ. — Ни вамъ этого не нужно, ни мне. Зачемъ? Ведь это дурно и неинтересно. Я же отлично вижу, что вы такая же **пародія**, какъ все, какъ все. И если меня угощаютъ такой ловкой **пародіей** на мать... Но представьте себе, **напримѣръ**, что я возложилъ надежду на какой-нибудь **далекій** звукъ, какъ же мне верить въ него, если даже вы обманъ. Вы бы еще сказали: гостинцевъ. И почему у васъ макинтошъ мокрый, а башмаки сухіе, — **вѣдь** это небрежность. Передайте бутафору».

Она -- **поспѣшно** и виновато: «Да я же была въ калошахъ, внизу въ **канцеляріи** оставила, честное слово...»

«Ахъ, полно, полно. Только не пускайтесь въ объясненія. Играйте свою роль, — побольше лепета, побольше безопасности, — и ничего, — сойдетъ».

«Я пришла, потому что я ваша мать», — проговорила она тихо, и Цинциннать **разсмѣялся**: «**Нѣтъ, нѣтъ**, не сбивайтесь на фарсъ. Помните, что тутъ драма. **Смѣшное смѣшнымъ** — но все-таки не **слѣдуетъ** слишкомъ удаляться отъ вокзала: драма можетъ уйти. Вы бы лучше... да, вотъ что: повторите, повторите **МН-Ъ**, пожалуй, **преданіе** о моемъ **отцѣ**. Неужели онъ такъ-таки исчезъ въ **темнотѣ** ночи, и вы никогда **не** узнали, ни кто онъ, ни откуда — это странно...»

«Только голосъ, — лица не видала», — **отвѣтила** она все такъ же тихо.

«Во, во, подыгрывайте **мнѣ**, я думаю мы его **сдѣлаемъ** странникомъ, **бѣглымъ** матросомъ», — съ тоской продолжалъ Цинциннать, прищелкивая пальцами и шагая, шагая: «или **лѣснымъ** разбойникомъ, гастролирующимъ въ **паркѣ**. Или загулявшимъ ремесленникомъ, плотникомъ... Ну, **скорѣй**, придумайте **что-нибудь**».

«Вы не понимаете. — воскликнула она, — (въ **волненіи** встала и тотчасъ **сѣла** опять), — да, я не знаю, кто онъ былъ, — бродяга, **бѣглець**, да, все возможно... Но какъ это вы не понимаете... да, — былъ праздникъ, было въ **паркѣ** темно, и была я **дѣвченкой**, — но **вѣдь** не въ томъ **дѣло**. **Вѣдь** обмануться нельзя! **Человѣкъ**, который сжигается **живьсмъ**, знаетъ небось, что онъ **не** купается у насъ въ **Стропи**. То-есть я хочу сказать: нельзя, нельзя ошибиться... Ахъ, какъ же вы **не** понимаете!»

«Чего не понимаю?»

«Ахъ, Цинциннать, онъ — тоже...»

«Что — тоже?»

«Онъ тоже, какъ вы, Цинциннать...»

Она **совсѣмъ** опустила лицо, уронила пенснэ въ гор-
сточку.

Пауза.

«Откуда вамъ **этѣ** известно, — хмуро спросилъ Цин-
циннать, — какъ это можно такъ сразу **замѣтить...**»

«Больше вамъ ничего не скажу», — произнесла она, не
поднимая глазъ.

Цинциннать **сѣлъ** на койку и задумался. Его мать выс-
моркалась съ необыкновеннымъ **мѣднымъ** звукомъ, кото-
рый трудно было ожидать отъ такой маленькой женщи-
ны, и **посмотрѣла** наверхъ на впадину окна. Небо, видимо,
прояснилось, чувствовалось близкое **присутствіе** синевы,
солнце провело **по стѣнѣ** свою полосу, то **блѣднѣвшую**,
то разгоравшуюся опять.

«Сейчасъ васильки во ржи, — быстро заговорила она,
— и все такъ чудно, облака бегутъ, все такъ безпокойно
и светло. Я живу далеко отсюда, въ Докторскомъ, — и ко-
гда **пріѣзжаю** къ вамъ въ городъ, когда еду **полями**. въ
старомъ шарабанчике, и вижу, какъ блеститъ Стропы, и
вижу этотъ холмъ съ крепостью и все, — мне всегда ка-
жется, что повторяется, повторяется какая-то замеча-
тельная **исторія**, которую все не успеваю или не умею по-
нять, — и все-жь-таки кто-то мне ее повторяетъ — съ та-
кимъ **терпѣніемъ!** Я работаю целый день въ нашемъ **прі-
юте**, мне все трынъ-трава, у меня любовники, я обожаю
ледяной лимонадъ, но бросила курить, потому что рас-
ширѣше аорты, — и вотъ я сижу у васъ, — я сижу у васъ
и не знаю, почему сижу, и почему **реву**. и почему это раз-
сказываю, и мне теперь будетъ жарко переть внизъ въ
этомъ пальто и шерстяномъ платьѣ, солнце будетъ со-
вершенно бешеное **послѣ** такой грозы...

«Нетъ, вы все-таки только **пародія**», — прошептала
Цинциннать.

Она вопросительно улыбнулась.

«Какъ этотъ паукъ, какъ эта решетка, какъ этотъ **бой
часовъ**», — прошептала Цинциннать.

«Вотъ какъ», — сказала она и снова высморкалась.

«Ли, вотъ значить какъ», — повторила она.

Оба молчали, не глядя другъ на друга, между **тѣмъ** какъ съ бессмысленной гулкостью били часы.

«Вы обратите **вниманіе**, когда выйдете, — сказали Цинциннатъ, — на часы въ коридоре. Это — пустой циферблатъ, но зато каждые полчаса сторожъ смываетъ старую стрелку и малюетъ новую, — вотъ такъ и живешь по крашеному времени, а звонъ производитъ часовой, почему онъ такъ и зовется.

«А вы не шутите — сказала **Цецилія Ц.**, — **бываютъ**, знаете, удивительныя уловки. Вотъ, я помню: погда была ребенкомъ, въ моде были, — ахъ, не только у ребятъ, но и у взрослыхъ, — **такія** штуки, назывались «нетки», — и къ нимъ полагалось, значить, особое зеркало, мало что кривое — абсолютно искаженное, но ничего нельзя понять, провалы, путаница, все скользитъ въ глазахъ, но его кривизна была неспроста, а какъ разъ такъ пригнана... Или, скорее, къ его кривизне были такъ подобраны... **Нѣтъ**, постойте, я плохо объясняю. Однимъ **словомъ**, у васъ было такое вотъ дикое зеркало и **цѣлая коллекція** разныхъ нетокъ, т. е. абсолютно нелепыхъ предметовъ: **всякія такія** безформенныя, пестрыя, въ дыркахъ, въ пятнахъ, рябья, шишковатая штуки, вроде какихъ-то ископаемыхъ, — но зеркало, которое обыкновенные предметы абсолютно искажало, теперь, значить, получало настоящую **пинцу**, **го-ссть**, когда **вы** такой непонятный и уродливый **предметъ** ставили такъ, что онъ отражался въ непонятномъ и уродливомъ зеркале, получалось замѣчательно: нетъ на **нѣтъ** давало да, все **возстановивалось**, все было хорошо, — и вотъ **изъ безформенной** неспряди, **потучатся** въ зеркале чудный **стройный** образъ: цветы, корабль, фигура, какой-нибудь **пейзажъ**. Можно было — на заказъ — даже собственный портретъ, то-есть вамъ давали какую-то кошмарную кашу, а это и были вы, но ключъ отъ васъ былъ у зеркала. Ахъ, я помню, какъ бы-

ло весело и немного жутко — вдруг ничего не получится! — брать въ руку вотъ такую новую непонятную **нѣт**-ку и приближать къ зеркалу, и видеть ВЪ немъ, какъ твоя рука совершенно разлагается, но зато какъ бессмысленная **нѣтка** складывается въ прелестную картину, ясную, ясную...»

«**Зачѣмъ** вы все это **мнѣ** рассказываете?» — спросилъ Цинцинната.

Она молчала.

«**Зачѣмъ** все это? Неужели вамъ неизвестно, что на дняхъ, завтра, можетъ **быть**——»

Онъ вдругъ **замѣтилъ выраженіе** глазъ Цециліи Ц, — мгновенное, о, мгновенное, — но было такъ, словно проступило нечто, настоящее, несомненное (въ этомъ Мире, **гдѣ** все было подъ **сомнѣніемъ**), словно завернулся краешекъ этой ужасной жизни, и сверкнула на мигъ подкладка. Во взгляде его матери Цинцинната внезапно уловилъ ту последнюю, верную, все объясняющую и ото всего охраняющую точку, которую онъ **и** въ себе умелъ нащупать. О чемъ именно вопила сейчасъ эта точка? О, неважно о чемъ, пускай — ужасъ, жалость... Но скажемъ лучше: она сама по себе, эта точка, выражала такую бурю истины, что душа Цинцинната не могла не взыграть. Мгновенье **накренилось** и пронеслось. Цецилія Ц. встала, делая невероятный **маленькій** жестъ, а именно разставляя руки съ протянутыми указательными пальцами, какъ бы показывая размеръ, — длину, скажемъ, младенца... Потомъ сразу засуетилась, подняла съ полу черный, **толстенькій**, на таксичьихъ лапкахъ саквояжъ, поправила клапанъ к.р-мана.

«Ну вотъ, — сказала она, прежнимъ лепечущимъ говоркомъ, — посидела и пойду. Кушайте мои **конфетки**. Засиделась. Пойду, мне пора».

«О да, пора!» — съ грозной веселостью **трянулъ** Родригъ Ивановичъ, широко отворяя дверь.

Наклонивъ голову, она скользнула вонъ. Цинциннать, дрожа, шагнулъ было впередъ...

«Не беспокойтесь, — сказала директоръ, поднявъ ладонь, — эта акушерочка совершенно намъ не опасна. Назадъ!»

«Но я все-таки————» началъ Цинциннать.

«Арьеръ!» — заоралъ Родригъ Ивановичъ.

Изъ глубины коридора, между тѣмъ, появилась плотная полосатая фигурка м-сье Пьера. Онъ шелъ, приятно улыбаясь издали, чуть сдерживая, однако, шагъ, чуть бѣгая глазами, какъ люди, которые попадаютъ на скандалъ, но не хотятъ это подчеркивать, и несъ шашечницу передъ собой, ящичекъ, полишинеля подмышкой, еще что-то...

«Гости были? — вѣжливо справился онъ у Цинцинната, когда директоръ оставилъ ихъ въ камерѣ однихъ. — Матушка ваша? Такъ-съ, такъ-съ. А теперь я, бѣдненькій, слабенькій м-сье Пьеръ, пришелъ васъ поразвлечь и самъ поразвлекъ. Смотрите, какъ онъ на васъ смотритъ. Поклонись дядѣ. Правда, уморительный? Ну, сиди прямо, тезка. А я принесъ вамъ еще много забавнаго. Хотите сперва въ шахматы? Али въ картишки? Въ якорекъ умѣете? Знатная игра! Давайте, я васъ научу».

§ 13.

Ждалъ, ждалъ, и вотъ — въ мертвѣйшій часъ ночи сызнова заработали звуки. Одинъ въ темнотѣ, Цинциннать улынулся. Я вполне готовъ допустить, что и они — обманъ, но такъ въ нихъ вѣрю сейчасъ, что ихъ заражаю истиной.

Были они еще тверже и точиѣе, чѣмъ прошлой ночью; по тьмачи сослѣпу; какъ сомнѣваться въ ихъ приближающемся, ностунательномъ движеніи? Скромность ихъ! Умъ! Тайнственное, расчетливое упрямство! Обыкновенной-ли киркой или какимъ-нибудь чудаковатымъ орудіемъ (изъ амальгамы негоднѣйшаго вещества и всесиль-

ной человѣческой воли), — но кто-то какъ-то — это было ясно — **пробивалъ** себе ходъ.

Стояла холодная ночь; серый, сальный отблескъ луны, делясь на клетки, ложился по внутренней **стѣнкѣ** оконной пади; вся крепость ощущалась, какъ налитая густымъ мракомъ снутри и вылощенная луной снаружи, съ черными изломами теней, которыя сползали по **скалѣ** **стѣнѣ** скатамъ и безшумно рушились во рвы; да, — стояла **безстрастная**, каменная ночь, — но въ ней, въ глухомъ ея лоне, подтачивая ея мощь, пробивалось нечто совершенно чуждое ея составу и строю. Или это **старья**, романтическія бредни, Цинцинната?

Онъ взялъ покорный стулъ и покрепче ударилъ имъ зъ **полъ**, потомъ несколько разъ въ стену, — стараясь, хотя бы посредствомъ ритма, придать стуку смѣгель. И действительно: **пробирающійся** сквозь ночь сначала **сталъ**, какъ бы соображая — **враждебны-ли** или **нѣтъ** встречные стуки, — и вдругъ **возобновилъ** свою работу съ такой ликующей живостью звука, которая доказывала Цинциннату, что его откликъ понятъ.

Онъ убедился, — да, это именно къ нему **идуть**, его **хотятъ** спасти, — и, продолжая постукивать въ наиболее болезненные места камня, онъ вызывалъ — въ другомъ **диапазонѣ** и ключе — полнее, сложнее, слаще, — **повторенія** техъ нехитрыхъ ритмовъ, которые онъ предлагалъ.

Онъ уже подумывалъ о томъ, какъ наладить азбуку, когда заметилъ, что не месяцъ, а другой, непрошенный, **свѣтъ** разбавляетъ потемки, — и не успелъ онъ заметить это, какъ звуки втянулись. Напоследокъ довольно долго **что-го** сыпалось, **но и** это постепенно смолкло, — и странно было представить себе, что такъ недавно ночная тишь нарушалась жадной, жаркой, пронырливой жизнью, **вплотнѣ**ю приноживающейся и **придавленнымъ щипцомъ** храпящей — и снова роющей съ **остервененіемъ**, какъ песь, **пробирающійся** до барсука.

Черезъ зыбкую дремоту онъ **видѣлъ**, какъ входилъ Ро-

дiонъ, — и было уже за полдень, когда **совсѣмъ** проснулся — и, какъ всегда, подумалъ прежде всего о томъ, что конецъ еще не сегодня, а ведь могло быть и сегодня, какъ можетъ и завтра быть, но завтра еще далеко.

Весь день онъ внималъ **гудѣнію** въ ушахъ, уминая **себѣ** руки, тихо здороваясь съ **самимъ** собой; **ходилъ** во кругъ стола, **гдѣ** белелось все еще неотправленное письмо; а не то воображалъ опять мгновенный, **захватывающій** духъ, — какъ перерывъ въ этой жизни, — взгляды вчерашней гостыи, или слушалъ про себя шорохъ **Эмочки**. **Что-жь**, пей эту бурду надежды, мутную, сладкую **жижу**, надежды мои не сбылись, я **вѣдь** **думалъ**, что хоть теперь, хоть тутъ, **гдѣ** одиночество въ такомъ почете, оно распедетъ лишь **на-двое**, на тебя и па меня, а не **размножится**, какъ оно размножилось — шумно, мелко, нелепо, я даже не могъ къ тебе подойти, твой страшный отецъ едва не **перенибъ** **мнѣ** ноги клюкой, поэтому пишу, это — последняя попытка объяснить тебе, что происходитъ, Марфинька, сделай необычайное **усиліе** и пойми, пускай сквозь туманъ, пускай уголкою мозга, но пойми, что происходитъ, Марфинька, пойми, что меня будутъ убивать, неужели такъ трудно, я у тебя не прошу долгихъ вдовьихъ **вздыханій**, траурныхъ **лилій**, но молю тебя, мне такъ нужно — сейчасъ, сегодня, — чтобы ты, какъ дитя, **испугалась**, что вотъ со мной хотять делать страшное, мерзкое, отъ чего тошнить, и такъ орешь посреди ночи, что даже когда уже слышишь нянино **приближеніе**, — «тише, тише», — все еще продолжаешь орать, вотъ какъ тебе должно страшно стать. Марфинька, даромъ что мало любишь **чс-ня**, но ты должна понять, хотя бы па мгновешіе, а потомъ можешь опять заснуть. Какъ **мнѣ** **расшевелить** тебя? Ахъ, наша съ тобой жизнь была ужасна, ужасна, и не **этимъ** **расшевелю**, я очень старался вначале, но ты знаешь, — темпъ былъ у насъ разный, и я сразу отсталъ. Скажи **мнѣ**, сколько рукъ мяло мякоть, которой обросла такъ щедро твоя твердая, горькая, маленькая душа? Да, снова, какъ

привидѣніе, я возвращаюсь къ твоимъ первымъ изменамъ и, воя, гремя цепями, плыву сквозь нихъ. **Поцѣлуи**, которые я подглядѣлъ. Поцелуи ваши, которые больше всего походили на **какое-то питаніе**, сосредоточенное, неопрятное и шумное. Или когда ты, жмурясь, пожирала **прыщущій** персикъ и потомъ, кончивъ, но еще глотая, еще съ полнымъ ртомъ, канибалка, топырила пальцы, блуждалъ **осоловѣлый** взглядъ, лоснились воспаленныя губы, дрожалъ подбородокъ, весь въ капляхъ мутнаго сока, сползавшихъ на оголенную грудь, между **тѣмъ**, какъ **приапъ**, питавшій тебя, внезапно поворачивался съ судорожнымъ проклятіемъ, согнутой спиной ко **мнѣ**, вошедшему въ комнату некстати. «Марфиньке **всякіе** фрукты полезны», — съ какой-то сладко-хлюпающей сыростью въ горле говорила ты, собираясь вся въ одну сырую, сладкую, проклятую складочку, — и если я опять возвращаюсь ко **ВСЕМУ** этому, такъ для того, чтобы отделаться, выделить **ИЗЪ** себя, очиститься, — и еще для того, чтобы ты **знала**, чтобы ты **знала**———Что? Вероятно, я все-таки принимаю тебя за кого-то другого, — думая, что ты поймешь меня, — какъ **сумасшедшій** принимаетъ зашедшихъ родственниковъ за звезды, за логарифмы, за **внслозадыхъ гіенъ**, — но еще есть безумцы — **тѣ** неуязвимы] — которые **принимаютъ** самихъ себя за **безумцевъ**, — и тутъ **закрывается** кругъ. Марфинька, въ какомъ то такомъ кругу мы съ тобой вращаемся, — о, если бы ты могла вырваться на мигъ, — потомъ вернешься въ него, обещаю тебе, **многаго** отъ тебя не **требуется**, но на мигъ вырвись, и пойми, что меня убиваютъ, что мы окружены куклами, и что ты кукла сама. Я не знаю, почему такъ мучился твоими изменами, **то-есть вѣрнѣе** я то самъ знаю почему, но не знаю техъ словъ, которыя следовало бы подобрать, чтобы ты поняла, почему я такъ мучился. Нетъ этихъ словъ въ томъ маломъ размере, который ты употребляешь для своихъ ежедневныхъ нуждъ. Но все-таки я опять попытаюсь: «меня убиваютъ!» — такъ, все разомъ, еще: «меня

убиваютъ!» — еще разъ: «... убиваютъ!» — я хочу **это такъ** написать, чтобы ты зажала уши, — свои **тонкокожія**, обезьяньи уши, которыя ты прячешь подъ прядями **чудныхъ** женскихъ волосъ, — но я ихъ знаю, я ихъ вижу, я **ихъ** щиплю, **холодненькія**, мну ихъ въ своихъ **безпокойныхъ** пальцахъ, чтобы какъ-нибудь ихъ **согрѣть**, оживить, **очеловѣчить**, заставить услышать меня. **Марфинька**, я хочу, чтобы ты настояла на йовомъ свиданш, и ужъ **разумѣтся**: приди одна, приди одна! Такъ называемая жизнь кончена, передо мной только скользкая плаха, меня изловчились мои тюремщики довести до такого **состоянія**, что почеркъ мой — видишь — какъ пьяный, — но, ничего, у меня хватить, **Марфинька**, силы на такой съ тобой разговоръ, какого мы еще никогда не вели, потому-то такъ **необходимо**, чтобы ты еще разъ пришла, и не думай, что это письмо — **подлогъ**, это я пишу, Цинциннать, **это** плачу я, Цинциннать, который собственно ходилъ **вокругъ** стола, а потомъ, когда Родюнъ принесъ ему обедъ, сказала:

«Вотъ это письмо. Вотъ это письмо я васъ попрошу.. Тутъ **адресъ...**»

«Вы бы лучше научились, какъ **другіе**, вязать, — проворчалъ Родюнъ, — и связали бы **мнѣ** фаршикъ. Писатель! Ведь только что видались, — съ **жонкой-то**».

«Попробую все-таки спросить, — сказалъ Цинциннать. — Есть ли тутъ, кроме меня и этого довольно навязчиваго Пьера, **какіе-нибудь** еще заключенные?»

Родюнъ **побагровѣлъ**, но смолчалъ.

«А мужикъ еще не **пріѣхалъ?**» — спросилъ Цинциннать.

Родюнъ собрался свирепо захлопнуть уже визжавшую дверь, но, какъ и вчера, — липко шлепая сафьяновыми туфлями, дрыгая полосатыми телесами, держа въ **рукахъ** шахматы, карты, бильбокэ...

«Симпатичному Родюну мое нижайшее», — **тонень-**

кимъ голосомъ произнесъ м-сье Пьеръ и, не меняя шага, дрыгая, шлепая, вошелъ въ камеру.

«Я вижу, — сказалъ онъ, садясь, — что симпатяга понесъ отъ васъ **письмо**. **Вѣрно** то, которое вчера лежало тутъ на столе? Къ супруге? Нетъ, **нѣтъ** — простая дедукція, я не читаю чужихъ писемъ, хотя, правда, оно лежало весьма на виду, пока мы въ якорекъ резались. Хотите нынче въ шахматы?»

Онъ разложилъ шерстяную шашечницу и пухлой рукой со взведеннымъ мизинцемъ разставилъ фигуры, прочно сделанныя — по старому арестантскому рецепту — изъ хлебнаго мякиша, которому камень могъ позавидовать.

«Самъ я холость, но я понимаю, конечно... Впередъ. Я это быстро... **Хорошіе** игроки никогда много не думаютъ. Впередъ. Вашу супругу я мелькомъ видалъ, — ядреная бабенка, что и говорить. — шея больно хороша, люблю... Э, стойте. Это я маху далъ, разрешите переиграть. Такъ-то будетъ правильнее. Я большой любитель женщинъ, а ужъ меня какъ оне любятъ, подлыя, прямо не поверите. Вотъ вы писали вашей супруге о ея тамъ глазкахъ, губкахъ. Недавно, знаете, я имель — Почему же я не **могѹ** съестъ? Ахъ, вотъ что. Прятко, прятко. Ну, ладно, — ушелъ. Недавно я имель половое общеніе съ исключительно здоровой и роскошной особой. Какое получаешь **удовольствіе**, когда крупная **брюнетка** — Это что же? Вотъ тебе разъ. Вы должны **предупреждать**, такъ не годится. Давайте, сыграю иначе. Такъ-съ. Да, роскошная, страстная, — а я, знаете, самъ съ усамъ, обладаю такой пружиной, что — ухъ! Вообще говоря, изъ многочисленныхъ соблазновъ жизни, которые, какъ бы играя, но вместе съ темъ очень серьезно, собираюсь постепенно представить вашему **вниманію**, соблазнъ любви — Нетъ, погодите, я еще не решилъ, пойду ли **такъ**. Да, пойду. Какъ — мать? Почему — мать? Сюда — не **могу**, сюда — не могу, сюда... Тоже не могу. Позвольте, какъ же раньше стояло? Нетъ, еще раньше. Ну, вотъ это другое дело. Зе-

вокъ. Пошелъ такъ. Да, — красная роза въ зубахъ, черные ажурные чулки по **сѣи** места и больше **ни-че-го**, — это я понимаю, это высшее... а теперь **вмѣсто** восторговъ любви — сырой камень, ржавое железо, а впереди... сами знаете, что впереди. Не **замѣтилъ**. А если такъ? Такъ лучше. **Партія** все равно — моя, вы делаете ошибку за ошибкой. Пускай она изменяла вамъ, но **вѣдь** и вы держали ее въ своихъ **объятіяхъ**. Когда ко **мне** обращаются **за** советами, я всегда говорю: господа, побольше изобретательности. Ничего **нѣтъ пріятнѣе**, напримеръ, чемъ **окружиться** зеркалами и смотреть, какъ тамъ кипитъ работа, — замечательно! А вотъ это вовсе не замечательно. Я честное слово думалъ, что пошелъ не сюда, а сюда. Такъ **что** вы не могли... Назадъ, пожалуйста. **Я** люблю при этомъ курить сигару и говорить о незначительныхъ **вѣщахъ**, и чтобы она тоже говорила, — ничего не поделаешь. известная развратность... Да, — тяжело, страшно и обидно сказать всему этому «прости» — и думать, что **другіе такіе** же молодые, и сочные, будутъ продолжать работать, работать... эхъ! не знаю, какъ вы, но я въ смысле ласокъ обожаю то, что у насъ, у борцовъ, зовется **макаронами**: шлепъ ее по шее, и **чѣмъ** плотнее мяса... Во-пер-**выхъ**, могу съесть, во-вторыхъ, могу просто уйти; ну, такъ. Пойдите, пойдите, я все-таки еще подумаю. Какой былъ мой **последній** ходъ? Поставьте обратно и дайте подумать. Вздоръ, никакого мата нетъ. Вы, по-моему, тутъ что-то, извините, смошенничали, вотъ это стояло тутъ или тутъ, а не тутъ, я абсолютно уверенъ. Ну, поставьте, поставьте...»

Онъ какъ бы нечаянно сбиль несколько фигуръ и, не удержавшись, со **стономъ**, **сѣмналъ** остальные. **Цинци-нагъ сидѣлъ**, облокотясь на одну руку; задумчиво **копалъ** коня, который въ области шеи былъ, казалось, не прочь вернуться въ ту хлебную **стихію**, откуда вышелъ.

«Въ другую игру, въ другую игру, въ шахматы вы не умеете», — суетливо закричалъ м-сье Пьеръ и **развернулъ**

ярко раскрашенную доску для **игры** въ гуся. Бросилъ кости — и сразу поднялся **съ** трехъ на двадцать семь, — но потомъ пришлось спуститься опять/— зато **съ** двадцати двухъ на сорокъ **шесть** взвился Цинциннатъ. Игра тянулась долго. М-сье Пьеръ наливался малиной, топалъ, злился, **лѣзъ** за «остями подъ столъ и **вылѣзалъ** оттуда, держа ихъ на ладони и клянясь, что именно такъ **онѣ** лежали на полу.

«Почему отъ васъ такъ пахнетъ?» — спросилъ Цинциннатъ со вздохомъ. Толстенькое лицо м-сье Пьера исказилось принужденной улыбкой.

«Это у насъ въ **семьѣ**, — пояснилъ онъ **съ** **достоинствомъ**, — ноги немножко **потѣютъ**. Пробовалъ квасцами, но ничто не беретъ. Долженъ сказать, что хотя страдаю этимъ **съ** **дѣтства**, и хотя ко всякому страданію принято относиться **съ** **уваженіемъ**, еще никто никогда такъ **безтактно**——»

«Я дышать не могу», — сказалъ Цинциннатъ.

В. Сиринъ.

(Окончаніе слѣдуетъ)